HX263
.B54
V45
1927

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HX263
.B54
V45
1927

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008292484

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vechnyuznik00veli

В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ ВЕЛИЧКИНА

ДИСЛОВИЕ ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

ВЕЧНЫЙ УЗНИК

КООПЕРАТИВНОЕ МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ"
УБЯНСК. ПАСС. ПОМ. № 39 ТЕЛЕФОН 5-04-51

Кооперативное Издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“
Москва, Лубянский пассаж, пом. 39. Тел. 5-04-51.

Библиотека физической культуры и педологии.

Книга 1-я. **А. А. ЗИКМУНД и А. И. ЗИКМУНД. Схематическая программа физического воспитания и трудовых навыков в возрасте от 7 до 20 лет, на основах пролетарской физкультуры.** (Распродано).

Книга 2-я. **Вопросы педологии и детской психоневрологии.** Сборник статей Государственного Медико-Педагогического Института Н. К. З. Под редакцией Правления Института. Цена 1 р. 50 к. (Распродано).

Книга 3-я. **Очередные педологические задачи охраны здоровья детей и подростков** (в связи с 5 Всероссийским совещ.). Издание 2-е. Цена 40 к.

Книга 4-я. Профессор **Р. А. КАЦ. Роль педагога в охране зрения учащихся.** Издание 2-е. Цена 10 к.

Книга 5-я. **И. Е. МАЙЗЕЛЬ. Лесные школы и школы на открытом воздухе.** Цена 70 к.

Книга 6-я. **Н. Н. МОРОЗОВ. Первый шаг к изучению ребенка. План длительных наблюдений.** С предисловием проф. К. Н. Корнилова. Цена 2 р.

Книга 7-я. **БАЛАНДЕР и РАДИН. На борьбу с остро-заразными болезнями, злейшими врагами здоровья детей.** Цена 10 к.

Книга 8-я. **Е. П. РАДИН и И. Е. МАЙЗЕЛЬ. Из душных классов на свежий воздух.** Цена 20 к.

Книга 9-я. **Е. П. РАДИН. Основные положения (заповеди) советской физкультуры.** Издание 2-е. Цена 12 к.

Книга 10-я. **А. А. КИСЕЛЬ и И. Е. МАЙЗЕЛЬ. Грудной ребенок.** Цена 55 к.

Книга 11-я. **Е. П. РАДИН. Врачи на помощь юным пионерам.** Цена 20 к.

Книга 12-я. **Е. П. РАДИН. Берегите детей.** (Распр.).

Книга 13-я. **Е. П. РАДИН. Пионер, береги свое здоровье.** Цена 10 к.

Книга 14-я. **Е. П. РАДИН. Правила здоровья, правила гигиены.** Ц. 35 к.

Книга 15-я. **В. Н. ИВАНОВ и Е. Е. ГРАНАТ. Как сделать школу здоровой. Материалы по диспансеризации школы.** Цена 60 коп.

Книга 16-я. **Е. П. РАДИН. Итоги и ближайшие задачи охраны здоровья детей и подростков.** Доклад Е. П. Радина на 6-м Всероссийском с'езде по охране здоровья детей и подростков. Цена 20 к.

Книга 17-я. **VI Всероссийский с'езд по охране здоровья детей и подростков 16—22 ноября 1925 г.** Программа и тезисы. Цена 2 руб.

Книга 18-я. **Е. П. РАДИН. Очередные задачи охраны здоровья детей и подростков.** Резолюции VI Всероссийского с'езда по охране детей и подростков. Цена 30 к.

Книга 19-я. **Вопросы педологии и детской психоневрологии.** Сборник психо-неврологической и педологической школы санатории-клиники Государственного Института физкультуры и врачебной педологии. Под редакцией профессора М. О. Гуревича. Цена 3 руб. 75 коп.

Книга 20-я. **Здание школы. Питание. Одежда.—Режим труда и отдыха.** Нормы, утвержденные отделом охраны здоровья детей и подростков Народного Комиссар. Здравоохранения. Предисловие Е. П. Радина. Цена 45 к.

Книга 21-я. **Московская психоневрологическая и Педологическая школа-санаторий при отделе охраны здоровья детей Н. К. З.** (Клиники Мед. Педологич. Института). Цена 90 коп.

Книга 22-я. Проф. **Д. М. РОССИЙСКИЙ. Крым и его лечебное значение.** Цена 20 коп.

Кооперативное издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
МОСКВА, Лубянский пас., пом. 39.Тел. 5-04-51.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. Кн. 9-я.

HX263
.B54
V45
1927

Вера Бонч-Бруевич (В. М. Величкина)

ВЕЧНЫЙ УЗНИК

Предисловие Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧА

МОСКВА

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Главлит № 69001. Москва, 1927 г. Тираж 10.000.

Нотопечатня Госиздата, Колпачный пер., 13. Тел. 11-85.

HX263
.B54
V45
1927

Вера Бонч-Бруевич (В. М. Величкина)

ВЕЧНЫЙ УЗНИК

VECHNYĬ UZNIK

Предисловие Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Вера Михайловна посвящала много времени изучению истории общественных и революционных движений в Западной Европе в различные эпохи. Она всегда стремилась посильно популязировать эти свои знания для широких кругов народного читателя. Помимо различных очерков Вера Михайловна обращала усиленное внимание на биографию выдающихся лиц тех движений, которые особенно интересовали ее. Написать в популярном изложении биографии этих лиц, связывая эти жизнеописания с историей общественных отношений той страны, в которой эти излюбленные ее герои жили—было всегдашним стремлением Веры Михайловны. Первой литературной работой Веры Михайловны была биография братьев Гракхов, написанная ею в 1896 году и задуманная в тюрьме, когда она первый раз была арестована в 1894 году по обвинению в принадлежности к одной из организаций партии «Народного Права», организованной группой старых народовольцев с Т. Натансоном, Тютчевым, Сыцянко и др. во главе. Кстати сказать, Вера Михайловна никогда к этой партии не принадлежала и была арестована потому, что у нее в квартире (вернее, в квартире ее матери, но по ее просьбе) нашли приют несколько человек из лиц, принадлежавших к этой партии, и в том числе Мария Осиповна Сыцянко (Ослопова)—сестра друга Веры Михайловны, Владимира Сыцянко,—которая не имела в то время права жительства в Москве, почему жила нелегальной. Веру Михайловну по этому первому ее аресту обвиняли также

в сношениях с эмиграцией и в напечатании в «Лондонских Листках» (изд. Литературного фонда) ряда корреспонденций, привезенных и получаемых ею за границей, когда она была там студенткой в цюрихском университете на медицинском факультете. В последнем жандармы не ошиблись, так как первые корреспонденции о всех преследованиях и мучениях духоборцев, а также о мученической смерти в Воронежском дисциплинарном батальоне отказавшегося от воинской повинности Дрожжина действительно ею были помещены в «Лондонских Листках»—этом почти единственном издании, типа газеты, за границей того времени. Откуда пронюхали об этом жандармы, так и осталось не выясненным. Курьезней всего то, что у Веры Михайловны был на этот раз отобран небольшой чемоданчик с туалетными вещами, любезно вернутый ей по ее просьбе охранниками в камеру дома предварительного заключения в Петрограде, при чем весь этот чемоданчик, все его крышки и стенки, был набит различными рукописями, которые Вера Михайловна везла за границу для нелегальной печати и в том числе подробные сведения о духоборцах, первые главы памфлета Л. Н. Толстого «Царство божие внутри вас есть...», нелегальная повесть Влад. Короленко «Чудная» и др. нелегальные рукописи, ходившие в то время по рукам в революционных кружках г. Москвы. Чемоданчик этот так был искусно сделан Влад. Ос. Сыцянко, что, несмотря на большую тщательность обыска, не вызвал ни малейшего подозрения у жандармов и так и вернулся вместе с Верой Михайловной в Москву после ее освобождения и потом вторично поехал за границу, вполне исправно выполнив свое назначение.

Так вот во время этого первого своего заключения в тюрьме Вера Михайловна стала работать над биографией братьев Гракхов, историю деятельности которых она хорошо знала. В 1895 году она окончила эту работу, которую мы предполагали издать в редактируемом в то время мною народном издательстве, выходившем под фирмою «книгоиздательства П. К. Прянишникова», московского купца, весьма отзывчиво от-

носившегося к идее просвещения народа и не жалевшего денег на многочисленные народные издания (помимо серии книг, редактировавшихся мной, он издавал обширную «Народную Библиотеку» под редакцией В. Н. Маракуева). Я подал рукопись в московский цензурный комитет. Много месяцев рукопись лежала без всякого видимого движения в портфеле цензора и, наконец, после настоятельных моих требований дать ответ, мне секретарь цензурного комитета объявил, что цензурный комитет запретил к печати рукопись «Жизнь и деятельность братьев Гракхов» и постановил рукопись оставить при делах комитета. На мой вопрос, почему запретили рукопись, секретарь, меланхолически взглянув на меня, ответил:

— Ну, зачем нам братья Гракхи? Что в них хорошего? Один только беспорядок от таковых людей...

Я долго добивался получить обратно рукопись, но мне так и не отдали ее. Через некоторое время мне, однако, удалось ее переписать—писцы цензурного комитета были более либеральны, вечно нуждались в заработке и охотно взялись за переписку, получив, конечно, за это тройную построчную плату.

Через некоторое время секретарь стал наводить у меня справки, кто это такая Величкина, и вопросы его были столь прозрачно-охранного свойства, что я тотчас же постарался отделаться от него.

К сожалению, как эта рукопись Веры Михайловны, так и все материалы к ней, черновики, выписки и пр., приблизительно через год, совершенно безвозвратно погибли при одном из обысков в их семье—охранное отделение захватило их себе. Вера Михайловна была уже за границей; брат и сестра ее, после окончания процесса Московского рабочего союза (дело 1896 г.),—пошли в ссылку; выручить из охранного отделения рукопись со всеми материалами было некому; так эта первая работа Веры Миахйловны и не увидала свет.

Вера Михайловна написала еще несколько биографий. Подробно занимаясь изучением постановки школьного дела в Швейцарии, она остановила свое внимание на

Генрихе Песталоцци и написала его биографию под названием «Друг детей».

Эта книжка недавно вышла в свет пятым изданием в серии книг комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Шестое издание этой книги сейчас печатается в Москве [1]).

Еще за границей, до революции 1905 г., Вера Михайловна написала биографию известного немецкого социалиста-рабочего Вильгельма Вейтлинга. Эта биография впервые была напечатана в социал-демократическом листке для сектантов «Рассвет», издававшемся Российской Социал-Демократической Партией в Женеве. Отдельной брошюрой впервые эта работа Веры Михайловны была издана в 1906 г. в Петрограде партийным издательством «Вперед» и была конфискована царской цензурой.

Второе издание ее появилось только после февральской революции 1917 г. в книгоиздательстве «Жизнь и Знание» (Петроград).

Написать биографию Луи-Огюста Бланки Вера Михайловна задумала давно: приехав в Петроград в 1905 г. и будучи вскоре арестована, она в тюрьме стала вырабатывать план этой своей любимой работы.

К концу 1906 года она ее окончила и отдала на просмотр Ан. Вас. Луначарскому, который написал к этой работе Веры Михайловны предисловие. Но в России наступила уже жестокая реакция и издавать книжку, в которой рассказывается жизнь знаменитого социалиста и непреклонного французского борца-революционера, в то время, когда цензурный застенок неистовствовал—было совершенно невозможно. Партийное издательство «Вперед» было разгромлено, все мы, руководившие этим делом, были арестованы и, после отсидки, находились под

---

[1]) Первое издание этой книги появилось в издательстве „Посредник“ (Москва) в 1898 г. Второе издание было повторено тоже „Посредником“; третье было издано в Петрограде книгоиздательством „Жизнь и Знание“ (1909 г.). четвертое тем же книгоиздательством „Жизнь и Знание“ в Петрограде (1914 г.) пятое — комитетом памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной) появилось в Петрограде. Шестое издание напечатано тем же комитетом в Москве; седьмое—кооперативным издательством „Жизнь и Знание“ в Москве (1922 г.).

судом и следствием. Частные издательства рушились одно за другим, а оставшиеся все более и более увлекались тогда порнографическими мотивами или литературой всевозможных упадочных направлений, и, конечно, как от чумы, отскакивали от каждого, кто только предлагал издать хоть что-либо связанное с общественным и революционным движением.

В 1908 г. мы с Верой Михайловной стали организовывать в Петрограде издательство «Жизнь и Знание», решив его считать принадлежащим нашей большевистской фракции Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Но к этому времени удавная петля реакции царского правительства до такой степени туго захлестнулась на жизни российской демократии, что издавать книги, подобные биографии Бланки, не было никакой возможности. Пришлось начать издательство с обще-культурных книг и постепенно и осторожно вводить в него общественные элементы, сначала в отделе беллетристики, потом в книжках чисто научного содержания, и лишь через несколько лет удалось нам создать отдел «библиотеки обществоведения», где мы начали подбирать книжку за книжкой марксистских авторов. Пытались мы издать и эту книжку Веры Михайловны, но по предварительным разведкам оказалось, что книжка будет тотчас же конфискована и что Вера Михайловна, как автор, не избежит судебного процесса.

Книгу решили изданием отложить до более благоприятного времени, но и эта рукопись чуть-чуть не погибла. Во время одного из обысков нашей квартиры,—а таковых у нас бывало слишком много в период 1906—1917 г. г.,—рукопись эта, обыкновенно сохранявшаяся в другом месте была захвачена представителями охранного отделения. Одновременно у меня забрали множество материалов по исследованию сектантства.

Рукописное отделение Академии Наук, в лице его почтенного председателя А. А. Шахматова, запротестовало и потребовало возвратить рукописи в Академию. Среди этих рукописей была указана и рукопись Веры Михайловны.

Через два дня после этого протеста рукописного отделения Академии Наук, все рукописи были доставлены, и в их числе находилась биография Огюста Бланки.

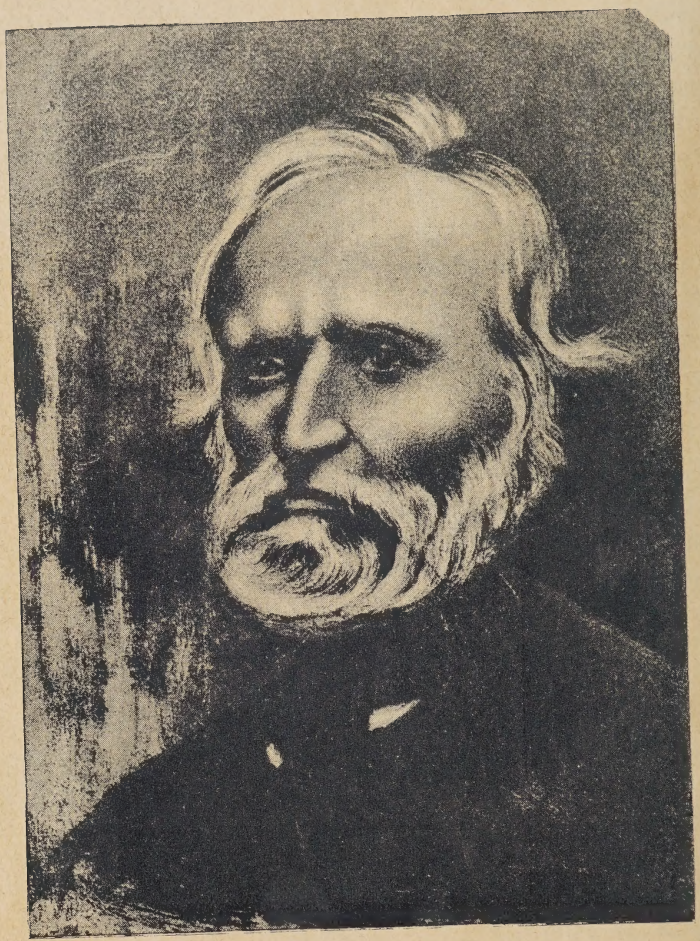
Но именно, как мне кажется, к этому моменту относится исчезновение предисловия к этой книге А. В. Луначарского. Все мои поиски его до сего времени остаются тщетными. У меня еще есть надежда, что когда мне удастся собрать из разных мест, где я сохранял в годы этой николаевской реакции множество различных рукописей и документов, и привести их в надлежащий порядок, разобрав их,—я полагаю, что эту рукопись А. В. Луначарского я отыщу, если только она не погибла в цепких лапах петербургского охранного отделения, и, конечно, тогда, если эта книга будет повторена изданием, сейчас же напечатаю его.

Получив из охранки таким неожиданным способом эту работу Веры Михайловны, которая, мы думали, уже погибла безвозвратно, я отдал ее на сохранение в рукописное отделение Академии Наук, где она и находилась до 1919 г. При жизни, после революции, Вера Михайловна много раз хотела пересмотреть эту свою рукопись и выпустить в свет, но так и не могла этого сделать, будучи крайне занята текущей общественной и государственной работой. И только теперь, через десять месяцев после ее столь неожиданной смерти, мы можем передать ее широко народному читателю, для которого она и предназначалась Верой Михайловной.

К книге приложен портрет Луи-Огюста Бланки, который более всего нравился Вере Михайловне и который долгие годы (не менее двадцати лет) всегда стоял у нее на ее рабочем письменном столе, вместе с другими портретами особо ею уважаемых революционеров.

15 июля 1919 г.

Владимир Бонч-Бруевич.



Луи Огюст БЛАНКИ.

Жизнь и деятельность Луи-Огюста Бланки.

Пускай ты умер!..
Но в песне смелых
И сильных духом
Всегда ты будешь
Живым примером,
Призывом гордым
К свободе, к свету!
Безумству храбрых
Поем мы песню!..

М. Горький.

I.

Происхождение Бланки.

Auf den hohen Bergen
Liegt ein ewiger Schnee,
Auf den hohen seelen
Liegt ein ewiges Weh.

Goete.

Целые полвека трепетала французская буржуазия при одном только имени Луи-Огюста Бланки. «Отдать вам Бланки,—говорил Тьер коммунарам о шестидесятилетнем революционере,—это все равно, что послать мятежникам целый полк войска». Два раза висел над Бланки смертный приговор, десятки лет провел он в крепостях и тюрьмах Франции и заслужил себе название «Вечного Узника». Но вождям реакции ни разу не удалось торжествовать над непреклонным духом этого ветерана революции, и в глубине тюремных стен Вечный Узник оставался живым

воплощением ее, опорой пролетариата и пугалом буржуазии; и в глубине тюремных стен неуклонно работал он, имея в виду одну постоянную задачу своей жизни: освобождение народа из-под власти его угнетателей.

Родиной Бланки был южный берег Франции. Отец его, бывший преподавателем философии и астрономии в коллеже в Ницце, принимал самое живое участие в республиканском движении в своем городе. Ницца присоединилась к провозглашенной в 1792 году во Франции республике, и Доминик Бланки был делегирован в конвент от Ниццы и ее окрестностей, получивших вместе название департамента Приморских Альп.

В конвенте Бланки-отец присоединяется к жирондистам, хотя он не раз сознавался впоследствии, что разделял убеждения монтаньяров, и только резкость их выражений и неукротимая страстность их речей отталкивали молодого ученого от передовых борцов революции. Он остался в рядах жирондистов, был арестован вместе с ними и вышел на волю только после падения Робеспьера. Хозяйка меблированных комнат, где жил Доминик Бланки, и кое-кто еще из его товарищей по заключению не забывали своих жильцов в их печальном положении. Она посещала их в тюрьме, носила им съестные припасы и всеми средствами старалась смягчить им заключение. С ней всегда ходила вместе, а потом стала приходить и одна, ее дочка-подросток, веселая, живая девочка. Часто, переодевшись мальчиком, с красной шапочкой на голове, напевая своим звучным голоском революционные песенки, она прибегала к тюрьме и всегда находила средство передать заключенным, кроме съестных припасов, письма и газеты и рассказать все, что делалось на воле. Дело кончилось тем, что Доминик Бланки, страстно влюбился в веселую и энергичную девочку, и тотчас же после своего освобождения попросил ее руки. Свадьбу, однако, пришлось отложить до тех пор, пока девочке исполнится шестнадцать лет. Хорошенькая девочка скоро превратилась в роскошную красавицу. Безумно любимая своим мужем, бывшим на двадцать лет старше ее, молодая женщина не знала препятствий своим желаниям и скоро сделалась невыносимым

деспотом в семье, мучая сначала своими капризами мужа, а потом и всю семью; но в то же время ее неутомимая энергия не раз оказывала впоследствии серьезные услуги ее революционеру-сыну.

Во время империи Доминик Бланки снова возвратился на свою родину и занял там место подпрефекта в маленьком городке Пюже-Тенье, в пятнадцати верстах от Ниццы.

II.

Детские годы.

Я спросил у высокого солнца
Как мне вспыхнуть светлее зари,
Ничего не ответило солнце,
Но душа услыхала: гори!

К. Бальмонт.

Луи-Огюст Бланки родился 1-го февраля 1805 года. Семья Бланки становилась все многочисленнее и с трудом перебивалась на небольшой оклад подпрефекта. Дети учились в начальной школе, и только старшего Адольфа удалось поместить в лицей в Ницце.

Небольшой, старинный городок Пюже-Тенье расположен был в узкой долинке приморских Альп. Маленькая речка пробегала по долинке, и дети знали, что она бежит в голубое море, где по гребням волн носятся белые паруса лодок и кораблей. И маленький Огюст Бланки, вместе с другими детьми, лазал по развалинам старинной крепости и бегал по одетым виноградниками склонам гор. Особенно любил он взбираться на высоты,— знойные ярко-горячие на закате вершины манили его к себе. Там, за этим хребтом расстилается другой мир, живут другие люди, раскинулись другие города. Ему тесно в его маленькой долинке, среди роскошной горной растительности среди апельсиновых и раскидистых каштановых деревьев, колючие шарики которых так забавляли его в раннем детстве, и смелый мальчик поднимается вверх, к могучим елям и соснам и неутомимо карабкается дальше, на самый верх, где уже ничего более не встретишь, кроме бледного моха

и лишаев да маленьких ручейков, пробегающих между гранитными скалами. Здесь-то маленький Огюст в первый раз и научился любить свободу, борьбе за которую он посвятил всю свою долгую жизнь.

Старший сын, кроткий Адольф, был ангелом-хранителем семьи Бланки. Приезжая из лицея на каникулы, он принимал самое живое участие во всех ее радостях и горестях, заботился о своих меньших братьях и сестрах и утешал отца, много страдавшего от капризного и деспотического характера своей жены.

С падением империи на семью Бланки тоже обрушилось несчастье. Ницца с ее окрестностями снова вернулась Пьемонтскому дому, город наполнился солдатами и шпионами, наступила отчаянная реакция. Всюду были сорваны трехцветные знамена, пьемонтцы топтали ногами трехцветные кокарды, начались массовые аресты, при чем арестованных избивали кулаками и прикладами. И маленький Огюст, до сих пор еще ничего не знавший, кроме своих детских игр и школьных занятий, становится свидетелем позорного торжества реакции. Доминик Бланки тоже, разумеется, потерял место и с огромной семьей должен был выехать из казенной квартиры. Впереди предстояла беспросветная нищета.

Судьба совершенно неожиданно пришла к ним на помощь. В один прекрасный день получается известие, что у жены Бланки умерла какая-то старая тетка и оставила ей небольшое имение с жилым домом, парком и довольно значительным движимым имуществом в виде дорогой мебели, посуды, кружев, серебра и т. п. Вся семья Бланки немедленно же переселилась в это имение на север Франции. Жена Бланки, всегда жаждавшая роскоши и удовольствий, нашла, наконец, возможность удовлетворять своим прихотям. Она продавала все лишние вещи, имевшиеся в домике, ездила в Париж и покупала себе всевозможные безделушки, туалеты, привозила дорогую дичь, варенье, конфеты. Полученное наследство быстро уплывало.

Доминик Бланки стал искать места, но правительство Бурбонов упорно отказывалось принять к себе на службу республиканца. Тогда он, вместе с старшим сыном Адоль-

фом, открыл первоначальную школу, но по доносу местного сельского учителя ее скоро закрыли. В период Ста дней старик Бланки снова поступил на службу, но не надолго: после битвы при Ватерлоо и возвращения Бурбонов, Бланки снова остается без куска хлеба.

Между тем семья подрастает и мало-по-малу становится на ноги.

Адольф, после нескольких неудачных попыток устроиться в Париже, находит, наконец, себе место преподавателя в пансионе бывшего эмигранта Массэна. Скоро ему удается выполнить и свою задушевную мечту: поместить в этом же пансионе на льготных условиях своего меньшого брата, 12-тилетнего Луи-Огюста. Любящий Адольф бесконечно счастлив, что его любимцу представляется теперь возможность получить образование. Он наряжает как куколку хорошенького белокурого мальчика и с нетерпением ожидает воскресных дней, чтобы идти с ним гулять и показывать ему памятники Парижа. Маленький Огюст скоро проявил блестящие способности и сделался одним из лучших учеников пансиона. Древние классики сделались любимым его чтением, но с особенной страстью занимался он математикой и историей.

Шесть лет спустя, Огюст блестяще окончил курс. Между тем Адольф оставил место преподавателя в пансионе и занялся политической экономией. Он с любовью и восторгом наблюдал за развитием брата, изумлялся его уменью работать и его богатой памяти и писал своему отцу в деревню: „Этот ребенок удивит мир“.

III.

Юность Бланки и начало революционной деятельности.

„Известно мне, что гибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла...
Но где, скажи, когда была
Безъ жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!“

Из поэмы Рылеева „Исповедь Наливайки“.

На ряду с серьезными научными занятиями, юноша Бланки внимательно следит за мировыми политическими событиями и горячо обсуждает их со своими товарищами. Это было время, когда Франция еще не вполне оправилась от потрясения великой революции и наполеоновских войн и переживала последовавшую за ними жестокую реакцию. В народе еще ярко жили традиции великой революции и воспоминания военной славы наполеоновской эпохи. Ненавистного народу короля восстановили на престоле иноземные войска в минуту военного поражения и разгрома Франции. И, под охраной иноземного оружия, король восстановил почти все, против чего восставал народ, за борьбу против чего он пролил столько крови. Людовик XVIII опять призвал изменивших Франции аристократов и платил огромные деньги иноземцам

за то, что они помогали ему вместе с его клевретами давить народ. В стране господствовал теперь белый террор. Тюрьмы наполнились политическими заключенными, врагами королевской власти и абсолютной монархии. Гильотина работала, уничтожая все, что поднимало голос против правительственных насилий.

В соседних странах—в Испании, в Италии—также проносятся бури революций, Греция борется за свое освобождение, вызывая горячее сочувствие к себе всех сторонников народной свободы, а на родине ненавистный Виллель призывается к власти. «Вновь Обретенная» палата распоряжается судьбами народа. Во многих местах Франции—в Бельфоре, Кольмаре, Тулоне, Сомюре—предпринимаются попытки восстания, но ни одно из них не увенчивается успехом: заговорщики расстреливаются. На Гревской площади воздвигают эшафот для «четырех сержантов Ларошели». Семнадцатилетний Огюст Бланки присутствует при казни этих четырех революционеров. На его глазах гибнут четыре молодые, благородные жизни, он слышит их предсмертный возглас: «Да здравствует свобода!», видит их мужественную смерть и дает клятву,—клятву неустанно бороться за освобождение народа, посвятить всю свою жизнь этой борьбе.

И великий революционер, действительно, всю свою долгую жизнь оставался верен этой клятве и ни на минуту не останавливался на своем тернистом пути, несмотря ни на безмолвие народа, ни на недоверие товарищей. В самые темные времена пронес он чистым и незапятнанным знамя революции до лучших дней, когда знамя это подняли широкие, организованные массы пролетариата.

Как только Бланки окончил свой пансион, он тотчас же вступил в тайное общество карбонариев, имевшее тогда распространение в Италии и на юге Франции. Во Франции оно было организовано 1-го мая 1821 года Базаром, Флотаром и Буше. В уставе общества указывалось, что цель его заключалась в том, чтобы «восстановить право французской нации свободно избирать свое правительство в виду того, что Бурбоны были возвращены на престол чужеземцами».

Общество карбонариев разделялось на секции, называемые *вентами*, и управлялось центральным комитетом, или *Высокой Вентой*. Действовать оно должно было путем восстаний, при чем карбонарии одной страны могли рассчитывать на помощь карбонариев других стран, так как они все были объединены в космополитический союз. Каждый член общества должен был иметь ружье и 50 патронов и быть всегда готовым по первому призыву итти в бой.

Принимая участие в революционной организации, Огюст Бланки не оставляет и своих научных занятий. Он поглощает целую массу книг, читает по философии, по истории, продолжает заниматься своей любимой математикой, упивается латинскими и греческими классиками, и, вместе с братом Адольфом, начинает работать в журналах. По субботам они вместе пешком отправляются в имение матери, Оне, чтобы провести воскресенье с своими родными.

Оба они находятся под тайным надзором полиции, так как их считают людьми республиканского образа мыслей; но до сих пор они ничем еще не проявили себя на деле. Адольф все более и более погружается в изучение политической экономии и скоро делается профессором в Атенее. Огюст нашел себе место преподавателя в провинции, в семье генерала Компана, одного из соратников Наполеона.

Генерал держал открытый дом, всегда полный гостей и всевозможных развлечений, но молодой учитель не принимал в них участия. Он весело и оживленно разговаривает в обществе, но вместе с тем охотно пользуется каждой минутой, чтобы остаться одному с своими мыслями. Несмотря на окружающую его роскошь и легкомыслие, юноша ведет аскетический образ жизни, спит зимой с открытыми окнами во всякую погоду; к мясу, вину, кофе и всяким пряностям он чувствует отвращение и питается только хлебом, вареными овощами, фруктами и молоком, пьет только чистую воду, ест он мало и быстро и много гуляет, совершенно один, отдаваясь только своим мыслям.

Пробыв два года в семье Компана, Бланки возвращается в Париж, чтобы подготовиться сдать экзамен на юриста. За эти два года Париж сильно изменился. Карл X съумел вооружить против себя все население. Он роздал миллиард вознаграждения эмигрантам, издал закон о святотатстве, определявший смертную казнь за кражу в церквах и за поругание священных предметов, простым указом восстановил предварительную цензуру для периодической печати и предложил палате отмену суда присяжных. Чтобы добиться большинства в палате, он распустил ее и назначил новые выборы через две недели так, чтобы оппозиция не успела сорганизоваться. Рабочее население и учащаяся молодежь, составлявшие небольшую республиканскую партию, устроили тогда враждебную правительству демонстрацию; произошло столкновение с войсками демонстранты выстроили баррикады, первые в Париже со времен Фронды. Огюст Бланки, сражавшийся в первых рядах революционеров, получил рану в шею. Его удалось вынести тайно и скрыть в доме его матери, которая заботливо ухаживала за ним до его выздоровления.

По выздоровлении, он снова принялся за ремесло преподавателя и получил занятия в пансионе для молодых девиц. Здесь он скоро почувствовал симпатию к одной из своих молоденьких учениц, познакомился с ее родителями и был ими радушно принят. Молодая девушка ответила юноше горячей любовью, родные ее ничего не имели против их сближения, и Бланки сделался своим человеком в семье своей невесты.

Весной 1828 года Бланки отправляется путешествовать на юг Франции и в Италию. Его потянуло на родину, к залитым южным солнцем Приморским Альпам. В Ницце Бланки в первый раз познакомился с тюрьмой. Узнав, что он прибыл в город, власти вспомнили всю жизнь и деятельность его отца и арестовали юношу. Однако сделанный ему допрос не привел ни к чему, и держать его в тюрьме не было никакого основания; его скоро выпустили. После этого Бланки не поехал в Италию, как рассчитывал раньше, а направился сначала в Бордо, затем в Испанию и 9-го августа 1829 года вернулся обратно в Париж.

IV.

Июльская революция.

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Тиранства низкие сыны.

„Французская революция". М. Ю. Лермонтова.

В Париже Бланки застал боевое настроение как в политике, так и в литературе. В литературе шла борьба между передовым, реалистическим течением и романтиками времен реставрации; в политике,—все слои населения, за исключением крупных земельных собственников, стремились сбросить с себя иго бурбонской монархии. Бланки принял горячее участие как в той, так и другой борьбе.

Стремления старинной знати восстановить в прежних размерах свое господство были безусловно обречены на неудачу. Времена изменились. С развитием промышленности во время империи, а затем и в период реставрации, буржуазия усилилась и настойчиво требовала своей доли в управлении страной. Снесенный революцией старый порядок был теперь анахронизмом. Дворянство отжило свой век, и его недвижимая собственность потеряла значение перед огромным ростом движимого имущества, перед ростом промышленного капитала и финансового дела.

С открытием крупных фабрик и концентрацией промышленности, благодаря введению механического производства, стал развиваться и пролетариат. Среди массы трудящихся начал выделяться слой, который не владел уже орудиями производства, не работал у себя на дому, а сосредоточивался в крупных промышленных предприятиях. Этот пролетариат, бессовестно эксплоатируе-

мый капиталистами и лишенный всяких политических прав, представлял собой благодарную почву для восприятия проповеди против существующего социального и политического строя. И в рядах этого-то слоя и рекрутировалась новая республиканская партия. Эта партия и должна была доставить буржуазии необходимую вооруженную силу, чтобы свергнуть ненавистную им монархию Карла X. Во главе этой партии стоял Годфруа Кавеньяк, мечтавший о восстановлении республики 1793 года. Слабо организованным и мало еще сознательным пролетариатом руководили молодые республиканцы, члены тайных обществ и сторонники социалистических учений того времени; среди них был и Огюст Бланки.

Вскоре после своего возвращения в Париж, Бланки поступил стенографом в газету Clobe, руководимую орлеанистами.

В это время, давая в газету отчеты о парламентских заседаниях, он внимательно следит за политикой и проявляет удивительную проницательность в этой области.

Утром, 26-го июля 1830 года в Moniteur'e появились четыре знаменитых королевских декрета, которыми распускались палата прежде, чем она была созвана, восстановлялась предварительная цензура для газет и изменился состав избирателей, при чем преимущество получили земельные собственники. Бланки узнал об этом в редакции Clobe и тут же заявил: «к концу недели дело будет решено оружием». Либеральные журналисты возразили ему. Они хотели оказать легальное сопротивление, но не могли найти соответствующей формы выражения его.

Наконец, они все-таки выпустили протест, в котором говорили: «Правительство нарушило закон, мы избавлены от обязанности повиноваться. Мы потребуем издавать наши газеты, не испрашивая разрешения. Правительство потеряло характер легальности, обязывающей повиноваться ему в том, что касается нас; пусть Франция судит сама, до какого предела должно дойти ее собственное сопротивление». Это был уже косвенный призыв к восстанию.

И французский народ нашел в себе силы к сопротивлению, Бланки не ошибся. На другой уже день, 27-го июля, вспыхнуло восстание. В саду Пале-Рояля республиканские ораторы, взобравшись на стулья, призывают народ вступиться за свои права. Вооруженная сила является разогнать толпу. Начинается перестрелка, падают убитые и раненые, ярость народа растет. Толпа нападает на расставленные патрули, строит баррикады, бросается к оружейным магазинам и добывает себе оружие. К вечеру, однако, все успокаивается. Но на другой день, рано утром, уже весь народ с криками: «Долой Бурбонов! Да здравствует хартия!» высыпал на улицы. Учащаяся молодежь организуется в отряды, все вооружаются. Бланки, весь черный от пороха и дыма, сражается в передних рядах.

Скоро восставшие овладевают городскую ратушей, собором Богоматери и прибивают на них свое трехцветное знамя. Попытки генерала Мармона преградить им путь оканчивается неудачей. Солдаты сражаются вяло, неохотно, нередко стреляют в воздух. На следующий день инсургенты переходят уже к нападению: берут Тюльери, Пале-Рояль и Лувр. Часть армии перешла на сторону восставших. Карл X бежал. Министры его были заключены в Венсенскую тюрьму.

И в то время, когда по голубым, блистающим на солнце волнам Сены медленно спускается большая барка с развевающимся черным флагом, вся нагруженная трупами павших в бою пролетариев и революционной молодежи, и толпы народа усыпавшие набережную, грустными взглядами провожали своих павших борцов,—шайка буржуазных дельцов уже организовала свое временное правительство и приняла меры против республики, за которую боролся пролетариат. Тьер и Лафит привезли в Париж герцога Орлеанского и предложили ему корону на выработанных ими условиях.

Герцог подписал эти условия и постарался привлечь на свою сторону влиятельных вождей республиканцев. Республиканцы больше не сопротивлялись, так как, по заявлению Кавеньяка, они не имели уже силы. И герцог Орлеанский был провозглашен королем.

V.

Соотношение политических сил в первую половину Июльской монархии.

Лишь тот заслуживает свободы
как и жизни, кто ежедневно завоевывает.

Гете.

Новый установившийся государственный порядок получил название Июльской монархии.

«Отныне Хартия станет истиной», сказал вновь избранный король, подписывая конституцию. И хартия была действительно пересмотрена и несколько изменена, но изменения эти, главным образом, ограничивали права земельной аристократии и только очень немного расширяли избирательные права народа. Участие в правлении страной было попрежнему недоступно для широких масс благодаря высокому цензу. Национальная гвардия, заменившая упраздненную королевскую гвардию, состояла тоже из плательщиков налогов, которые были в состоянии обмундироваться на свой счет. Наступило царство фабрикантов и заводчиков.

Но, основывая огромные фабрики и мануфактуры, куда стекались тысячи мужчин и женщин и даже детей, буржуазия создавала своего могучего противника—пролетариат, который и дал себя узнать тотчас же после июльской революции, едва только буржуазия успела почить на своих лаврах. Лионское восстание ткачей 1831 года показало, что народился уже новый класс, который начинает сознавать солидарность своих интересов и противополож-

ность их интересам буржуазии. Восстание это носило чисто экономический и при том стихийный характер и не ставило себе никаких политических задач. Благодаря кризису, вызванному революцией, фабриканты шелковых изделий понизили заработную плату, и положение ткачей стало совершенно невыносимым. Все переговоры с хозяевами не приводили ни к чему. Фабриканты закрывали фабрики и, не стесняясь, заявляли: если у рабочих нет в брюхе хлеба, то мы набьем его штыками. Тогда, выведенные из терпения, рабочие толпами спустились из своего предместья в город с черным знаменем, на котором была сделана надпись: жить, работая, или умереть в бою! После отчаянной битвы они овладели городом и в течение десяти дней были его хозяевами. Но недостаточно сорганизованный пролетариат не сумел воспользоваться плодами своей победы; однако это первое его выступление заставило его сплотиться. Под видом общества взаимопомощи создана была в Лионе большая организация, разделявшаяся на 122 секции, по 20-ти членов в каждой.

Лионское восстание произвело огромное впечатление во всей Франции. Буржуазия поняла, что у нее нарождается новый могучий враг. Казимир Перье, бывший тогда премьером, произнес речь, в которой он вполне выразил настроение крупной буржуазии: «Лионский бунт, заявил он, был направлен грабителями и убийцами против свободы торговли и промышленности. Все добрые граждане, все честные люди Франции могут иметь лишь один интерес и держаться одного мнения.- Общество никогда не позволит безнаказанно угрожать своему существованию». Но это восстание повлияло и на разделение в самой республиканской партии. Мелкая буржуазия, группировавшаяся вокруг газеты National, отрицательно отнеслась к коммунистическим идеям пролетариата и выставила своей программой Декларацию прав, провозглашенной великой революцией, где собственность объявлялась естественным правом человека. Это была партия трехцветного знамени. Она требовала республики без социальных перемен, действовала пропагандой и составляла крайнюю левую в парламенте. Социалистическая партия, принявшая впослед-

ствии название коммунистической, составилась из рабочих и из низших слоев мелкой буржуазии, с неумолимой силой разоряемой, в тот период процветания промышленности, крупными предприятиями. Против этой партии правительство Луи-Филиппа вело отчаянную борьбу, и ей пришлось организовываться или под видом обществ взаимопомощи, или в более тесные, боевые кружки,—тайные общества по образцу карбонариев. Эти тайные общества носили различные названия: «Друзей народа», «Времен года», «Прав человека» и т. п. У них была строгая, тайная организация, члены их были вооружены и обязывались, по первому призыву, являться на поле действий. Эта партия приняла красное знамя, сделавшееся с этих пор символом социальной революции, и в своем манифесте 1832 года выступила с следующим заявлением: «Мы имеем в виду гораздо менее перемену политическую, чем социальное переустройство. Расширение политических прав, избирательная реформа, всеобщая подача голосов—вещи превосходные, но только, как средство, а не как цель. Наша же цель—равномерное распределение общественных тягостей и преимуществ, полное установление царства равенства».

VI.

Участие Бланки в студенческом движении.

„Мы—не борцы. Мы только тень борцов".

Неудача июльской революции произвела глубокое впечатление на Огюста Бланки и даже сильно изменила его характер. Жизнерадостный юноша сделался сдержанным и молчаливым и, несмотря на его горячую веру в дело борьбы за освобождение угнетенных, печать скептицизма легла на его отношение к людям. Он попрежнему остается деятельным членом тайных революционных обществ и присоединяется к группе «Друзей народа». Гейне так пишет про него в одном из своих писем: «случайно я попал на собрание в общество «Друзей народа»... Там, в тесной, маленькой зале, похожей на театральную, набилось до 1.800 человек. Гражданин Бланки, сын члена конвента, произнес длинную речь, в которой он осмеивал буржуазию, этих лавочников, избравших себе королем Луи-Филиппа, эту воплощенную лавку, в своих собственных интересах, но отнюдь не в интересах народа; народ не был участником этой недостойной узурпации. Эта речь была полна силы, мужества и гнева»...

Несмотря на все свое разочарование, Бланки меньше, чем кто-либо, мог положить оружие перед обновленной силой монархии. В январе 1831 года он, будучи сам студентом юридического факультета, редактирует декларацию комитета высших школ. В этой декларации Бланки от имени комитета заявляет, что «здание, которое считали разрушенным, все еще цело», и указывает

цель, которую отныне будет преследовать комитет: сделать все, чтобы июльская революция не оказалась пустым обманом. За эту декларацию и за участие в студенческих беспорядках, разразившихся вслед затем, академический совет присудил Бланки к дисциплинарному взысканию. Учащаяся молодежь протестует против этой меры, беспорядки возобновляются, и полиция производит множество арестов среди студентов. Бланки арестован одним из первых, несмотря на то, что многие журналисты заявили, что видели его в палате во время беспорядков. Но тем не менее его продолжают держать в тюрьме. В газетах появились известия об ужасных условиях заключения молодых людей. Префект полиции возражал, но тогда было опубликовано письмо самого Бланки. Он писал, что его и его товарищей держат в общей камере с уголовными преступниками, в зараженной атмосфере. Стены камеры покрыты плесенью, для питья им дают только грязную воду. Бланки не жалуется, но указывает только на то, как платит буржуазия июльским борцам, проливавшим свою кровь за свободу. В тот же вечер Бланки и его товарищи были освобождены после трехнедельного заключения.

VII.

Революционное движение в первые годы Июльской монархии.

Не посредством терпения, а посредством нетерпения народы становятся свободными.

Берне.

В течение целых четырех лет со времени июльских дней Франция была охвачена непрерывным брожением. Потрясенная революцией страна долго не могла придти в равновесие. Понадобилось не мало времени, чтобы правящие классы буржуазии справились со своим республиканским противником. Недавняя победа народа над регулярной армией слишком была еще жива в памяти у всех и поддерживала надежды революционеров. Уже в 1831 году общество «Друзей народа» снова организует восстание во время суда над министрами Карла X и производит нападение на дом ненавистного народу архиепископа.

Бланки теперь всей душой отдается деятельности тайных обществ и организации восстаний. Так, в одном письме к Распайлю он советует меньше заниматься изложением своих взглядов и посвятить себя активным выступлениям. Письмо это было перехвачено во время обыска у редакторов республиканского органа «La Tribune», и Бланки с Распайлем были арестованы в предупреждение заговора против безопасности государства. Но палата депутатов сняла с них обвинение в заговоре и привлекла их к суду только за преступление против

закона о печати. Присяжные вынесли им обоим оправдательный вердикт. Но за речь, произнесенную Бланки на суде, его приговорили административным путем к году тюремного заключения и к денежному штрафу.

В июне вспыхнуло опять восстание, организованное тайными обществами. Революционеры воспользовались похоронами генерала Ламарка и предложили народу провозгласить республику. Они быстро овладели восточной частью Парижа, но затем национальные гвардейцы и регулярная армия разбила их, и восстание было подавлено. Бланки на этот раз не принимал в нем участия, так как еще сидел в тюрьме.

По выходе из тюрьмы Бланки попрежнему энергично принимается за свою революционную деятельность. В семье его за последний год произошли некоторые перемены. Отца своего он уже не застал в живых. С братом Адольфом он несколько разошелся. Адольф сделался директором коммерческой школы и вполне присоединился к режиму Луи-Филиппа. Поэтому он не мог относиться одобрительно к революционным стремлениям своего младшего брата. Старшая сестра его вышла замуж. Теперь Огюст Бланки все свои досуги проводил около своей невесты. Но досугов этих все-таки было очень немного. Молодой человек усиленно работает и над своим образованием. Возвращаясь ночью с собраний, он садится за книги и изучает теперь революционные движения и коммунистические учения. Он близко сошелся с Мишелем Буанороттн, другом Бабефа, одним из представителей социалистического движения еще времен великой революции. Много содействует его образованию и Распайль, ученый теоретик республиканской доктрины. Впоследствии в дело революционного воспитания Бланки внес свою долю и Лемане, только что порвавший с папством и гремевший по всей Франции своим революционным красноречием. Но в движении Бланки еще не занимает руководящей роли. Правда, в нем уже чувствуют вождя; его прошлое, несмотря на его молодость, его деятельное участие в июльской революции уже вызывают глубокое уважение к нему, и он уже—не простой рядовой среди ре-

волюционеров, но руководителями их тайных обществ являются еще пока старые республиканские вожди: Гинар, Кавеньяк и др.

После закрытия общества «Друзей народа» оно возродилось под именем общества «Прав человека» и, под влиянием развития пролетариата, пошло гораздо дальше в своих социальных стремлениях. Орган его «La Tribune» подвергался самым отчаянным преследованиям со стороны правительства.

В это время среди крайних элементов тайных обществ выдвинулась другая крупная фигура, будущий соратник и соперник Бланки. Это—Арман Барбес, пылкий южанин, блестящий оратор, представляющий собой полную противоположность политическому мыслителю и молчаливому заговорщику. Бланки. Барбес увлекал парижских рабочих и ремесленников пылкой страстностью своих речей; Бланки царил среди них своей неумолимой логикой, своим железным спокойствием и своей непреклонной настойчивостью. Судьба столкнула вместе этих двух так непохожих, но так дополняющих друг друга людей и, несмотря на то, что они чувствовали всегда взаимную вражду, железная дисциплина тайных обществ эпохи июльской монархии заставляла их дружно работать вместе. И только впоследствии вражда эта вредно отозвалась на деле и отравила существование сдержанного и менее общительного Бланки.

В 1834 году Бланки, наконец, женился на своей девятнадцатилетней невесте, но женитьба эта не только не отвлекает его от революционной деятельности, но, наоборот, благодаря усиленным репрессиям со стороны правительства, подпольная организация требует все больше сил, и Бланки с удвоенной энергией агитирует, организует, пишет.

По всем городам Франции были разосланы революционные агенты общества «Прав человека». Настроение было напряженное. Восстание вспыхнуло сначала опять в Лионе. Внешним поводом к нему было закрытие правительством общества взаимопомощи рабочих шелковых изделий после их забастовки и арест его руководителей.

На месте слияния Роны с Соной произошла настоящая битва, продолжавшаяся 5 дней. Здесь погибло около 1.200 человек. Когда в Париже получилось известие о лионских событиях, парижские секции общества «Прав человека» тоже об'явили восстание. Но здесь оно не приняло тех размеров, как в Лионе. «La Tribune» была немедленно закрыта. Редактор газеты «National» Каррель отказался напечатать в своем органе призыв к восстанию, революционерам не удалось даже оповестить широкие массы, и восстание было подавлено в два дня, закончившись зверским избиением на Трансноненской улице. Члены комитета общества «Прав человека» были арестованы. Правительство произвело арест республиканцев по всем городам и соединило все процессы в один огромный процесс, в котором фигурировало 164 обвиняемых. Вместо того, чтобы предать их суду присяжных, правительство предало их суду пэров. Бланки случайно не попал в этот процесс, а Барбес был освобожден за неимением улик.

Обвиняемые не собирались защищаться, но защита все-таки была представлена в лице всех выдающихся республиканцев для того, чтобы они, говоря от лица обвиняемых, изложили бы их социальные и политические взгляды и рассказали бы о тех зверствах, которые были совершены солдатами на Трансноненской улице. В этой блестящей плеяде ораторов мы встречаем имена Ламене, Армана Карреля, Райспаля, Корменэна, Этьена, Араго, Ледрю-Роллена, Мартэн-Бернара и др.; среди них были также и Бланки с Барбесом. Обвиняемые рассчитывали таким образом через стены суда говорить к народу. Но эта демонстрация не удалась. Палата пэров отказалась признать таких защитников, которые не имели звания адвокатов. Да и сами защитники не могли окончательно сговориться между собой, и среди них возник конфликт. Кроме того, правительство возбудило против них преследование за напечатанный ими протест против суда. Несколько лиц взяли на себя ответственность за него. Таким образом защита, была дезорганизована, и обвиняемые отказались отвечать на суде,

отказались даже явиться. Их осудили заочно и приговорили к ссылке и тюремному заключению, но некоторым главным обвиняемым удалось бежать из тюрьмы.

Теперь на место общества «Прав человека» организовалось общество «Семейств» и во главе его уже встали Бланки и Барбес. В это время произошло покушение Фиески на жизнь короля, и палата ответила на него сентябрьскими репрессивными законами. Республиканская партия должна была окончательно уйти в подполье.

Теперь общество «Семейств» стало в свою очередь подготовлять восстание. Надо было заготовить достаточно боевых припасов и скрыть их в надежном месте. И вот, в глухой улице, куда выходят только стены больниц и монастырей, в уединенном домике устраивается лаборатория для приготовления пороха. Бланки ежедневно посещает эту лабораторию, где работают еще три человека, а Мартэн-Бернар, переносит по ночам какие-то тюки в другой дом, где льют пули и делают патроны. Полиция выследила его и арестовала работавших в лаборатории студентов и рабочих, членов общества «Семейств». Бланки арестовали в квартире Барбеса 6-го марта 1836 г. Полицейский комиссар овладел его портфелем. Тогда Бланки вдруг вырывает портфель обратно, засовывает себе в рот некоторые документы и глотает их. Но полиции все-таки удалось после отчаянной борьбы вырвать у него кое-что.

В августе Бланки был осужден на два года тюремного заключения. Жена его, с маленьким сыном поселяется поблизости от его тюрьмы. У них было двое детей, но другой ребенок умер на втором году жизни.

Восемь месяцев проводит Бланки за тюремными решетками, но затем амнистия 1837 года заменяет ему тюремное заключение высылкой из Парижа под надзор полиции.

VIII.

Общество „Времен года" и восстание 1839 г.

Одни легкие революции делаются легко. Народ туго и не скоро восстает, он не играет, не шутит переменами; он так беден, что долго не рискует последним: его восстание всегда глубоко выстраданное.

Герцен.

Бланки поселился в Жанси, на берегу Уазы, в маленьком, потонувшем в зелени домике. Домик был окружен цветущим садом, который мягкими уступами спускался к реке, а сзади поднимался густой лес.

В таком уединении, вдали от политической жизни, пришлось жить теперь пылкому революционеру, так как он не имел права оставить своего места жительства без разрешения полиции,—доступ в Париж ему был закрыт. Это было единственное время в жизни Бланки, когда он мог хоть немного отдаться своей личной жизни. Здесь он мог ежедневно видеть своего ребенка, наблюдать за его развитием, делать небольшие прогулки с женой по окрестностям и проводить вечера за своими занятиями, в полной тиши.

Но мысль Бланки попрежнему работает в революционном направлении. Он не расстался еще с иллюзией удачного восстания, он надеется еще расшевелить надолго затихшую политическую жизнь народа. Во время прогулок он вырабатывает новый план восстания, сносится со своими товарищами, организует новое тайное общество на место общества «Семейств». Это будет общество

«Времен года». Группы общества распределяются на недели и месяцы. В каждой группе недели 7 членов. Члены общества носят название дней недели, месяцев. Три месяца составляют время года, они получают распоряжения от начальника, носящего имя весны. В месяце—четыре группы-недели, управляющиеся июлем, а членами недели управляет лицо под именем воскресенья. Таким образом все имена конспиративны. Общий характер общества похож на общество карбонариев. Та же таинственность, та же торжественность собраний, начальников никто не видит,—они не присутствуют на общих собраниях.

Когда Бланки в начале 1839 года окончил срок своей ссылки и снова вернулся в Париж, то кадры революционной армии были уже составлены и готовы к битве. Пороху и патрон запасено достаточно, оружие предполагалось захватить в магазинах. Во главе восстания теперь становились Бланки, Барбес и Мартэн-Бернар. День восстания сперва назначили 5-го мая, а потом, по настоянию Барбеса, его пришлось отложить до 12-го мая. Барбес проводил весну у себя на юге и сначала не отозвался на призыв. Бланки и Мартэн-Бернар напомнили ему, что он обязан явиться на зов в каждый данный момент. Тогда Барбес не заставил напоминать себе два раза об обязанностях революционера; но Бланки всегда думал впоследствии, что этот именно инцидент, это призывание спокойно занимавшегося в своих имениях Барбеса пожертвовать, если понадобится, жизнью за дело народа,—и создало те враждебные отношения к нему Барбеса, которые так долго раскалывали революционеров последующего периода. Бланки выбрал для момента восстания период разногласия парламента с правительством. Министерство Моле вышло в отставку, и в течение целых двух месяцев не могли создать нового министерства. Никакого иного внешнего повода для восстания не имелось. Оно произошло среди полной тишины и не нашло себе отклика в народных массах.

12-го мая, в воскресенье, несколько сот членов тайного общества должны были собраться в кафе между

улицей С. Дени и С. Мартэн. Около полудня является Бланки и об'являет им, зачем они созваны. Верные члены повинуются приказанию, выходят из кафе и, с криками «к оружию!», врываются в оружейный магазин Лепажа. Барбес и Бланки, стоя в окне нижнего этажа, раздают оружие революционерам. Затем, разделившись на три колонны, под предводительством Бланки, Барбеса и Мартэн-Бернара, с пением революционных песен, революционеры направляются к зданию суда. Погода стояла великолепная, солнце ярко сияло, вожди нарочно выбрали воскресный день, чтобы народ свободнее мог присоединиться к ним. Но, по мере того, как колонны революционеров двигаются вперед, вокруг них все пустеет, они идут среди полного безмолвия народа. Колонна Барбеса останавливается около полицейского поста у здания суда. Здесь раздался первый выстрел, и, прежде чем завязались какие бы то ни было переговоры, лейтенант Друино, под начальством которого находился пост, падает мертвым. Тогда с обоих сторон раздаются залпы, падают солдаты и революционеры. Пост взят, и колонна направляется дальше.

Префектура забаррикадировалась, ее не удалось взять, и колонна Барбеса соединилась с колоннами Бланки и Мартэн-Бернара. Все три двинулись на городскую ратушу, которая плохо охранялась. Ратуша взята, революционеры выпускают прокламацию к народу. Бланки назначается главнокомандующим; Барбес, Мартэн-Бернар, Гиньо и др.—начальниками отдельных частей республиканской армии. Они посылают солдат занять другие полицейские посты, но против них уже выступила регулярная армия. Революционеры строят баррикады, но их берут одну за другой. Колонна Бланки отступает под градом пуль. Ряды революционеров редеют, выстрелы становятся все слабее,—и восстание подавлено, оставив десятки убитых и раненых на улицах Парижа и кучку пленников в руках правительства.

Революционеры и на этот раз были преданы суду палаты пэров. Обыски в их квартирах дали в руки правительства кое-какие документы тайных обществ. Бланки

удалось скрыться на время, и он не попал в этот первый процесс. Суд продолжался от 27-го июня до 12-го июля. Барбесу был вынесен смертный приговор за убийство лейтенанта Друино. Барбес упорно отрицал это обвинение. Сначала он не хотел ничего говорить, но несправедливое обвинение возмутило его. Гордо подняв свою красивую голову, он сказал своим судьям: «Если бы не мои товарищи, я не стал бы об'ясняться с вами. Я обратился бы к вашей совести, и вам пришлось бы признаться, что вы—не судьи, имеющие перед собой обвиняемых. Вы—политики, располагающие жизнью своих политических врагов, и, как враги, вы не в состоянии поверить мне. Поэтому я хочу говорить не с вами, а с моей родиной. Вы обвиняете меня в том, чего я не делал, что я не способен сделать. Я не убивал, это—клевета, которой вы хотите запятнать борца за дело народа». Барбес спокойно выслушал приговор и спокойно ждал казни. Мартэн-Бернар, Малон были приговорены к вечным каторжным работам, остальные обвиняемые—к различным срокам тюремного заключения. Но Барбес был любимцем парижского населения, в пользу его были устроены манифестации. Виктор Гюго и Ламартин обратились непосредственно к королю. И смертная казнь была заменена вечными каторжными работами.

Бланки скрывался в течение целых пяти месяцев. Он был арестован в ту минуту, когда садился в дилижанс, чтобы уехать в Швейцарию. С ним судили еще 30 человек. Бланки отказался от всякого участия в суде, и 14-го января 1840 г. ему тоже был вынесен смертный приговор. Но Луи-Филипп не решался воздвигать эшафоты для революционеров, некогда сражавшихся на июльских баррикадах. И Бланки ждала та же участь, как Барбеса и Мартэн-Бернара. Местом заключения для всех была назначена тюрьма св. Михаила. Накануне от'езда Бланки трогательно прощался с женой. Он с тревогой видит, как изменилась она за это время, какие следы тяжелых душевных и физических страданий отпечатались на ее лице. Она обещает приехать поселиться около него, как только немного восстановятся ее силы. И они расстаются на этот раз навсегда.

IX.

Ликвидация революционного движения 1830–40 гг.

Они отдавали жизнь за счастье
быть свободными одно мгновение.

Восстанием 1839 года кончился романтический период революции, период революционных вспышек, задуманных и организованных тайными обществами. Это революционное течение связывается обыкновенно с именем Бланки, долгое время стоявшего во главе тайных обществ и занимавшего первенствующую роль в этих восстаниях, и называется бланкизмом. Но создано было это течение, разумеется, не Бланки, его создало время и тогдашние условия политической жизни, результатом которой были, конечно, и взгляды, и деятельность самого Бланки. Июльская революция на долгое время оставила иллюзию в умах тогдашних революционеров, что революцию можно сделать. Они не заметили того, что самые условия жизни французского народа требовали в то время перестановки общественных сил, и перестановка эта совершилась без особенного напряжения, посредством июльской революции,—на место одряхлевшей земельной аристократии стала организованная и сильная крупная буржуазия. Революцию же произвели, разумеется, народные массы,—буржуазия только воспользовалась ее плодами.

Увидев, что эти народные массы ничего не получили за пролитую ими в борьбе кровь, революционные эле-

менты полагали, что можно произвести, по намеченному ими плану, другую революцию, другой переворот. Во главе этой революции, станет небольшая, строго организованная группа заговорщиков, она захватит в свои руки политическую власть и затем устроит такие порядки, «чтобы июльская революция не была пустым обманом народа». Им еще не ясно было тогда, что для того, чтобы революция совершилась в интересах демократии, нужно, чтобы демократия была достаточно развита и организована,—только тогда она будет в состоянии захватить политическую власть в свои руки. Для развития же ее еще не было в то время об'ективных экономических условий. Благодаря этому, и революционные вспышки, организованные тайными обществами, происходили среди опустевших улиц и безмолвного народа.

После неудачного восстания 1839 года мелкая буржуазия, до сих пор питавшая тайные общества, отступила от революционной борьбы и стала держаться в рамках легальной оппозиции. Лишенная политических прав, она группировалась около незначительной крайней левой парламента и требовала избирательной реформы. Разоряемая крупной буржуазией, страдая от гнета налогов и податей, она чувствовала некоторую общность своих интересов с интересами пролетариата в стремлении освободиться от этого гнета и демократизировать политический строй. Но от восстаний она теперь решительно уклоняется. Пролетариат же, слабый и неорганизованный, потерял своих передовых вождей и должен был сложить пока оружие, оставив на память буржуазии провозглашенный им в Лионе лозунг: «Жить работая или умереть сражаясь!».

Но этот период далеко не был периодом мертвого сна для пролетариата. Наоборот, среди наступившей тишины политической жизни начался период его развития и усвоения им социалистических взглядов. Это был переходный период, когда социализм от утопических картин будущего строя переходил к реальным и определенным задачам, вытекающим из самого строя современного общества.

Сам Бланки сидел в это время в тюрьме св. Михаила и тоже учился. Этому великому революционеру и политическому мыслителю предстояло оставить миру бо́льшее наследство, чем так называемый б л а н к и з м. Рамки чистого бланкизма становились узки и для него. Он оставался вождем пролетариата, но и развивающийся пролетариат руководил им. Пока же мы видим фигуру Бланки такой, какой ее мог создать тревожный период 1830—40 годов,—период монархического гнета и подпольной революционной деятельности; мы видим его отважным революционером, во всякую минуту готовым встать впереди восставших и вести их в бой.

X.

Тюрьма Св. Михаила.

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Могилой, где должны быть заживо погребены Бланки и его товарищи, назначена была тюрьма св. Михаила. Уныло поднимается она на маленьком, скалистом островке, среди волн океана, между Нормандией и Бретанью. Два раза в сутки океан набегает на островок и тесным кольцом охватывает его серые скалы. Когда же волны сбегают, то скалистый холм на далекое пространство окружается другим морем,—морем белого, зыбкого морского песка. И все кругом уныло и безлюдно, только кое-где на горизонте мелькает белый парус рыбачьей лодки.

С давних времен старый замок служил государственной тюрьмой. Еще жестокий Людовик XI запирал в его каменных мешках своих политических врагов, смелых борцов против его жестокого деспотизма. В первые века христианства здесь уединялись отшельники и строили на скалах свои кельи. В VI веке на островке образовался уже небольшой монастырь и часовня, превратившиеся впоследствии в целое аббатство готической постройки, с стрельчатыми длинными окнами, и в неприступную крепость с глухими башнями, крошечными окошками, мрачными казематами и железными решетками. Здание замка

пристроено к скале, но и в самой скале пробиты камеры, проведены коридоры, укреплены своды и огорожены площадки для прогулок заключенных. Взор узника всюду встречает гранит и гранит, тяжелые стены каменного мешка давят мозг, и эти гранитные стены кельи, этот звон тяжелого замка, эти однообразные обходы часовых будут повторяться и завтра, как сегодня, и после завтра,—месяц за месяцем, год за годом, всегда, до самой смерти,—люди так же неумолимы, как и камни! Но они трусливы. Они не решились умертвить свои жертвы на глазах народа, они предпочли замучить их медленной смертью в каменных мешках. Их приговор говорит о вечном заключении,—и в такую эпоху, когда мысль человеческая развивалась с неимоверной быстротой, когда рушились все опоры старого строя, монархическое правительство еще надеялось на свою в е ч н о с т ь! Французский народ не оправдал его надежд и вернул себе его пленников, но до тех пор им не мало еще пришлось пострадать в глухих стенах средневекового каземата.

Невыразимая тоска по воздуху, по пространству, тоска, которой не знают люди, прожившие всю жизнь на воле, охватывает заключенных в их темных клетках. Они осуждены на полное безмолвие, они не могут ни петь, ни переговариваться, зная в то же время, что в соседней клетке также страдает близкий друг и товарищ. За всякое нарушение дисциплины им грозят кандалы и темный, сырой карцер, где нельзя ни встать, ни выпрямиться. В такой каменной яме заперт был на несколько дней Мартин Ноель за то, что хотел занять несколько франков у Барбеса. По каменным ступеням лестницы его стащили за ноги, голова его билась о камни. Раненый саблей, избитый сапогами своих тюремщиков, скованный по ногам и рукам, он был отдан на добычу паразитам в этой темной яме.

Один из заключенных перерезал себе горло, не выдержав ужасов тюремного режима, другой, Остэн, сошел с ума. В течение шести месяцев тюремщики не верят его помешательству и продолжают держать его в тюрьме, запирая от времени до времени в карцер. Его безумные

крики разносятся под сводами тюрьмы и наводят ужас на других заключенных. Они всеми силами стараются бороться с безумием и изыскивают себе всевозможные занятия и развлечения: кормят воробьев, подлетающих к их окнам, приручают голубей и т. д. Но невольная апатия, полное равнодушие к жизни все более охватывают их. Пытаясь стряхнуть с себя эту роковую апатию, узники начинают бороться за жизнь, пред'являют требования, требуют изменения режима. Но в ответ на это из Парижа приходит распоряжение о новых репрессиях. При малейшем сопротивлении приказано употреблять оружие.

Жена одного из узников поселилась по соседству, в рыбацкой хижине, чтобы хотя издали, в глубине окна видеть своего мужа. Тюремное начальство нашло возможность устранить и это злоупотребление. Оно выстроило в самой камере от полу до потолка вторую решетку и таким образом лишило узников возможности подходить к окну, а чтобы они не могли перебросить как-нибудь письма или получить газетку, решетки заплели частой проволочной сеткой. Так боролось со своими врагами правительство «доброго», как его называет Виктор Гюго, короля Людовика-Филиппа.

Ровно год спустя, после заключения Бланки, он получает известие о смерти своей жены. Разлука с мужем окончательно убила молодую женщину. Молчаливый, сдержанный Бланки в течение всего этого года ежедневно ждал ее появления; он не знал, что его верный друг тает со дня на день. Наконец, смотритель тюрьмы приносит ему сухое извести об ее смерти. Ни один мускул не дрогнул на лице узника. Повернувшись к окну, он устремил свой взор на море и не шевелился так в течение целого дня. Затем он начал галлюцинировать. Умерший друг являлся к нему и проводил вместе с ним целые дни. Несколько месяцев после ее смерти он провел в каком-то тумане и совершенно индиферентно относился ко всему, что происходило во внешней жизни.

Наконец, новое изменение режима привело его в себя. Наступало самое тяжелое время заключения. Местный под-

префект пожелал осмотреть тюрьму. Он наметил кое-какой ремонт в камерах, и для этого заключенных перевели на несколько месяцев в камеры исправительного отделения для уголовных преступников. Это были просто чердаки на высоте 100 метров над уровнем океана. Ранней весной, когда их перевели в эти каморки, холодный и сырой северо-восточный ветер свободно свистал в стены и уныло завывал среди каменных башен и леденил и без того холодные камни. Никаких печей на этих чердаках не имелось, и узники до самого мая месяца дрожали от холода под своими холодными одеялами. Когда заключенные потребовали об'яснения, почему их перевели в эти холодные и усыпанные насекомыми камеры, ответом на это им были опять кандалы и покрытые мокрой плесенью подвальные казематы. Кто заявлял о негодности пищи, того тоже тащили туда; Барбеса заперли там, потому что он не хотел войти в свою непроветренную камеру. Обращение тюремщиков было самое грубое, узников тащили вниз по лестнице всегда за ноги, топтали каблуками сапог; избиение следовало за избиением. Всякое зверство встречало только одобрение со стороны правительства. Издевательство тюремщиков дошло до того, что они поубивали всех птиц и голубей, которых кормили узники. Это было самое тяжелое время заключения. Число случаев умопомешательства увеличивалось, все были больны. В середине лета пытка на чердаках, кажется, еще усилилась. Солнце прямо палило в эти висящие на такой высоте клетки и ослепляло глаза узников. Ночью неимоверная духота не давала сомкнуть глаз. Только в конце августа заключенных перевели в прежние помещения.

XI.

Неудавшаяся попытка к бегству и остальные годы заключения.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам подадут.

А. Пушкин

Бланки всеми силами старается занимать чем-нибудь свой ум, чтобы не впасть в умопомешательство, старается не видеть двойных решеток и каменных стен. Он борется также и с физическими страданиями, которым подвергается теперь все чаще и чаще. Директор, к которому он обратился с просьбой перевести его в больницу, отказал ему, уверяя, что он понемногу привыкнет; а доктор заявил, что так всегда бывает, что среди заключенных кто-нибудь да умрет. Бланки пытался возможно меньше обращать внимание на своих сторожей и молча выслушивал нахальные заявления смотрителя, что их еще слишком хорошо кормят, так что даже посетители возмущаются. На самом деле заключенные почти голодали. Бланки с отвращением писал, что их кормят протухлым мясом, плавающим в каких-то помоях, где постоянно попадались тараканы; вместо горохового супа им давали суп из червей.

Бланки пытается не замечать всего этого. Его любознательный ум со страстью отдается чтению, которое можно было найти здесь. В тюремной библиотеке ока-

валась вся история горы св. Михаила; в ней он прочел длинный ряд ученых и почтенных имен людей, томившихся в сырых, подземных казематах государственной тюрьмы. Бланки удалось устроить получение тайным образом писем и газетных вырезок от родных и от своего друга, адвоката Фюльжанса Жирара, жившего неподалеку от острова. Этими письмами он входит в соприкосновение с живым миром, с интересом следит за всем, что делается на воле, следит за политикой и новыми течениями в социалистической литературе. В тюремной библиотеке оказалось также несколько повестей и романов, которые заключенные вообще очень охотно читали, потому что они уносили их в совершенно иной мир; но особенно любимой книгой всех узников тюрьмы св. Михаила были воспоминания итальянского революционера Сильвио Пеллико. Страдания итальянского узника, условия его заключения, его мечты о побеге также были похожи на их собственные, как и вообще тюрьмы и железные решетки всего мира похожи друг на друга и всюду имеют одно и то же назначение.

Мечты о побеге поддерживали надежду в сердцах узников и не давали им окончательно упасть духом. Несмотря на всю строгость одиночного заключения, им удается завести сношения между собой, передавать друг другу записки и получаемые ими с воли обрывки газет и, наконец, удается даже устраивать целые собрания. Враждебные отношения между Бланки и Барбесом не мешают им организовывать общее дело,—оба революционера слишком дисциплинированы для этого. Фюльжанс Жирар, вместе с другими друзьями Бланки и Барбеса, тоже работает над планом побега. Узники получают вести с воли, что их помнят и об них думают. После вечернего обхода им удается через трубы и другими путями собираться вместе. Побег обсуждается и подготовляется.

Между тем в тюрьме чуть не разразилась катастрофа. Родственникам Барбеса и матери Бланки удалось, наконец, повидать заключенных. Узнав о жестокостях, которые производились над ними, об избиениях в тюрьме,

они подали жалобу на тюремную администрацию. Заключенные, в свою очередь, требовали смещения смотрителя тюрьмы. В прессе поднялся шум, в палату была подана петиция, а администрация еще более свирепствовала. Бланки писал в это время друзьям: «здесь неизбежна катастрофа. Негодяи провоцируют ее, и мы готовы к ней. Однако, я не думаю, чтобы мы поступили легкомысленно; что касается до меня, то мне не о чем заботиться и нечего бояться. Я не дорожу теперь моей жизнью, она мне только в тягость; ее хватит, вообще, не надолго, и я хотел бы только отдать ее на что-нибудь лучшее...»

Но смотрителя, наконец, сместили и катастрофа была предотвращена. Снова энергично взялись за подготовление побега. Много услуг оказала заключенным мать Бланки. Несмотря на ее шестидесятилетний возраст, энергия ее не истощима. Она ежедневно ходит к тюрьме, добивается свиданий и мало-по-малу доставляет все необходимое для организации побега. Наконец, 10-го января 1842 г. была сделана попытка. Решено было, что сначала убегут четверо, приговоренных к вечному заключению: Бланки, Барбес, Мартен Бернар и Гюбер. Подделанными ключами узникам удалось растворить тяжелые двери камер и выйти на площадку. Там уже заранее была перепилена решетка. Первым должен был спуститься Барбес. Спустившись по веревке, Барбес быстро выпускает ее, затем, оборвавшись с утеса, он падает с высоты 10-ти метров. Услышав шум падения, стража бросается к нему. Весь разбитый падением Барбес не мог бежать и был взят. Остальные были взяты на площадке. Строгости в тюрьме усилились.

В следующие годы заключения в тюрьме св. Михаила заболели, наконец, наиболее сильные. Последний протест был подавлен с обычной жестокостью, но силы заключенных были уже не те, и узники вышли из испранительных камер более похожие на мертвецов, чем на живых людей. Барбес заболел горловой чахоткой и кашлял кровью, но абсолютно отказывался от всяких хлопот в его пользу со стороны сестры. Наконец, Бланки

написал своему другу, что медлить более нельзя, и спустя несколько недель Барбеса перевезли в Нимскую тюрьму, в лучший климат и лучшие условия.

Бланки после этого провел еще целый год в тюрьме св. Михаила. Неудача попытки к бегству сильно повлияла на него. Он совершенно погрузился в свои научные занятия и сделался еще более равнодушен к ударам судьбы. Вообще, это первое долговременное заключение его, потеря жены, отдаление сына, которого теперь воспитывала буржуазная и религиозная семья его матери, развивая в мальчике враждебное отношение к принципам отца, полный разрыв с любимым старшим братом, крушение всяких надежд на освобождение, все эти испытания сильно изменили характер Бланки. Он теперь совершенно замкнулся в себя, говорил редко и только самое необходимое; выражение лица его сделалось непроницаемым, и только печать глубокого и напряженного мышления освещала его.

Но, наконец, и Бланки не мог больше бороться с болезнью. Тюремные врачи решили, что и ему надо переменить климат, что он так и не «привык» к заключению. Его назначили в Турскую тюрьму. Когда, в холодный февральский день, его на носилках снесли в тележку, то вместо крепкого, полного сил и энергии молодого человека, переступившего несколько лет тому назад порог ужасного каземата, это был старик, полумертвец, дрожащий от холода под своими одеялами.

В Туре климат был более мягкий, здесь не слышно было постоянного гула моря, шум прибоя не надрывал больше нервы узника. Но и в Туре это была, все-таки, та же тюрьма и все те же тюремные условия. Власти сообразили, что им нечего больше опасаться умирающего, не встающего уже с постели революционера, и решили перевести его в госпиталь. 6-го декабря 1844 года, когда врачи засвидетельствовали, что он больше не встанет с постели, ему об'явили помилование; но узник энергичным письмом, адресованным местному префекту, отказался от него.

Двадцать месяцев Бланки не вставал с постели. Здесь

ему в первый раз привели сына, и он увидел, что мальчик крайне враждебно настроен к нему и его идеям. Он пишет гневные письма его воспитателям, но что может сделать больной, прикованный к постели и охраняемый жандармами? Он навсегда теряет сына.

Между тем силы мало-по-малу возвращаются к нему; кругом его постели и постели Гюбера, помещенного вместе с ним, собираются друзья, рассказывают о том, что происходит на свете, приносят книги. Бланки все еще под надзором, но политика снова начинает захватывать его. Когда он начал вставать с постели, он проводил дни уже в саду больницы, под живительными лучами южного солнца, и богатая южная природа мало-по-малу вливала новые силы в это исстрадавшееся тело. Летом 1847 года его поселили в Блуа, под надзором полиции. Наконец, он был почти свободен. После стольких лет заключения, он может, наконец, дышать всей грудью, ходить, куда хочет; он не слышит больше грохота замков и звон жандармских шпор, он сам отворяет и затворяет за собой двери. Он потерял жену, сына и здоровье, но он на свободе, свобода опьяняет и пугает его. Когда Барбеса, около того же времени, освободили в Нимме и ему пришлось целые сутки дожидаться дилижанса, то он попросил, чтобы его пустили переночевать в тюрьме,—так дико ему было остаться одному на свободе, так изломало узников одиночное заключение.

Когда весть о февральской революции долетела до места изгнания Бланки, он спешит в Париж, в тот самый Париж, с которым он расстался в 1839 году после неудачного восстания и где теперь царит торжествующая революция.

XII.

Февральская революция.

На баррикады! На баррикады!
Звучит повсюду призыв могучий.
Знамена вьются, спешат отряды,
Весь город полон тревоги жгучей.

Париж 1848 года был далеко не тем безмолвным городом, каким Бланки оставил его в 1839 году. Там теперь ликовала революция. Пролетариат, сочувствия которого напрасно ждали когда-то революционные колонны майских инсургентов, теперь уже был не прежним покорным рабом. Стихийные восстания первых годов июльской монархии, кровавое подавление их правящей буржуазией и пропаганда тайных обществ посеяли в нем первые зачатки классового сознания. В течение второго спокойного периода июльской монархии развитие промышленности шло быстрыми шагами, и огромные фабрики концентрировали пролетарские массы; а пропаганда социальных реформ принимала теперь легальные рамки и становилась более доступной для широких масс. 1846—47 года промышленного кризиса и связанные с ними нищета и безработица еще более открыли пролетариату глаза на его положение, и лозунг Луи Блана «Организация труда», нашел себе горячий отклик в умах и сердцах рабочих. И в то время, как мелкая буржуазия добивалась всеобщего избирательного права и падения цензитарной системы, пролетариат выставил требование права на труд. «Нет места на свете для всеобщей подачи голосов, этой нелепой системы, которая давала бы полити-

ческие права всякому живому существу», говорил когда-то Гизо. Но эта «нелепая система» сделалась реальностью в ту минуту, как перестало существовать «царство банкиров», по выражению Лафитта. А временное правительство февральской революции, составленное из буржуазных и мелко буржуазных республиканцев, не решалось ответить «нет», когда вооруженный народ потребовал от него признания за пролетариатом права на труд. «Народ не доверяет временному правительству и не разойдется, пока ему особым декретом не гарантируют его существования предоставлением работы», заявил он через своего делегата Марша. Буржуазное правительство готово было декретировать что угодно в виду вооруженного народа, а пролетариат, в упоении своей победой, не отдавал еще себе тогда отчета, что признание такого права за ним равносильно низвержению самой буржуазии, состоявшей в то время во главе правительства, и что только диктатура самого пролетариата изменит по существу его положение.

Декрет временного правительства гласил: «Временное правительство французской республики обеспечит существование рабочего, предоставлением ему работы. Оно обязуется также дать работу всем гражданам. Оно считает, что рабочие должны соединиться, чтобы пользоваться плодами своей работы».

Через несколько дней, однако, временное правительство уже успело забыть и о декрете, и о своих обещаниях, и толпа в двести тысяч человек снова подступила к ратуше с криками: «Организации труда!» Тогда временное правительство назначило, наконец, постоянную комиссию для изыскания средств к улучшению положения рабочего класса. Это была знаменитая Люксембургская комиссия, во главе которой стояли Луи Блан и Альбер. Практическая деятельность этой комиссии, как известно, была сведена к нулю; она даже отвлекла внимание рабочих от действий временного правительства, которое тем временем готовилось к решительной борьбе с пролетариатом Парижа. Но дебаты, которые велись в Люксембургском дворце, обсуждение всевозможных вопросов, ка-

сающихся жизни пролетариата, резолюции, принимаемые ею, способствовали развитию сознания рабочих, возникновению новых вопросов, касающихся их быта, и большей сплоченности, организованности аморфной до сих пор массы.

Но нужно было также удовлетворить всю огромную массу безработных, скопившихся в Париже. Оставить их так, было в высшей степени опасно, и временное правительство организует национальные мастерские, где оно дает работу 100.000 безработным. Это были никому ненужные однообразные земельные работы. Маркс их называет «английскими рабочими домами под открытым небом». Правительство думало иметь таким образом готовую рабочую армию против рабочих-социалистов. Министр Марра определенно высказал это заведующему национальными мастерскими, Тома: «Не беспокойтесь увеличению числа рабочих в национальных мастерских, лишь бы только расположить их к себе. В таком случае их никогда не будет слишком много. Постарайтесь только обеспечить их за собой. Не жалейте денег; в крайнем случае вам предоставят суммы из тайного фонда. Как вы думаете, сможете ли вы командовать этими людьми? Не далек день, когда мы должны будем воспользоваться ими на улицах. Постарайтесь о том, чтобы они были вооружены». Но временное правительство сильно ошиблось. Оно создало революционную армию пролетариата.

XIII.

Революционные клубы и борьба с ними правительства.

Здесь для свободы алтарь воздвигается,
Здесь новой жизни заря загорается,
Людям грядущим в урок:
Будет героям награда,—
Пуля иль хлеба кусок!..

Политическому развитию рабочих и их организации много содействовали революционные клубы, возникшие тотчас же вслед за падением июльской монархии. Членами этих клубов были сами рабочие, руководили же ими большей частью социалисты, члены прежних тайных обществ. Одним из таких клубов руководил Бланки, и по его имени он так и назывался клубом Бланки, несмотря на все его протесты. Официальным же его названием было Центральное республиканское общество. Клуб этот организовался тотчас же по прибытии Бланки в Париж.

Явившись в Париж, Бланки тотчас же нашел своих старых товарищей, расспросил их о положении дел и заметил, что еще очень много остается сделать. Уже 25-го февраля он присутствует на революционном собрании. Там он видит прежних членов тайных обществ, рабочих, студентов. Все возбуждены, говорят о том, что нужно итти в ратушу с оружием в руках. Но вот появляется Бланки. Все собрание заволновалось. Гром аплодисментов приветствовал маленького, молодого еще человека, с побелевшими волосами. Он поднялся на трибуну.

Все замерло в ожидании услышать голос того, кого недавно считали навеки погребенным в каземате св. Михаила. Все ждали, что он станет призывать к оружию. Но Бланки, как спокойный и тонкий политик, убедил присутствующих отложить пока активное выступление. Он говорил, что они преувеличивают свои силы, что революцию произвел только Париж, а провинция настроена совсем не республикански, что нужно всеми средствами укрепить уже завоеванное, так как парижские лавочники могут ополчиться, и они встретят поддержку в темных массах народа для борьбы с республикой. Самое важное теперь организовать революционные клубы, подготовить народные массы к защите оружием своих прав. Это собрание и послужило началом клуба Бланки.

Ежедневно появлялась на трибуне клуба его маленькая фигура, вся в черном и всегда в черных перчатках. Враги его распространяли, что у него, наверное, какая-нибудь болезнь на руках, если он никогда не снимает перчаток. На самом деле, Бланки с свойственной ему застенчивостью скрывал под перчаткой свое обручальное кольцо, которое он носил в память своей преждевременно скончавшейся жены. Бланки пользовался безграничным влиянием в клубе. Его настроение тотчас же передавалось всем присутствующим. Все моментально смолкало, когда его высокий, нервный, металлический голос раздавался с трибуны, и все безусловно склонялись перед неумолимой логикой его речей. Реакционные журналы уверяли, что в клубе Бланки считают, сколько голов нужно срубить у их политических врагов. На самом же деле там шло самое спокойное и трезвое обсуждение вопросов дня,—выборов комиссаров республики, учреждения мобильной гвардии, положение национальных мастерских. Бланки развертывал перед внимательными слушателями перспективы будущего строя, грядущее освобождение труда и доказывал необходимость отсрочить выборы в учредительное собрание. Он с самого начала видел, насколько консервативно была настроена провинция, и имел все основания опасаться за целость рес-

публики, если учредительное собрание будет созвано слишком поспешно.

Необходимо дать время массам народа разобраться в положении дел, нужно приложить все силы, чтобы привлечь их на сторону республики. Временное правительство, напротив, торопилось с выборами и назначило их уже на 9-е апреля. Тогда толпы рабочих двинулись к городской ратуше и потребовали отсрочки. Временное правительство испугалось этого нового выступления пролетариата и отложило выборы до 23-го апреля. Но эта отсрочка зато еще более укрепила положение правительства.

16-го апреля произошла вторая стычка пролетариата с буржуазией. Маркс называет ее недоразумением, устроенным временным правительством в союзе с буржуазией. На Марсовом поле и в гипподроме собрались большие толпы рабочих, чтобы обсудить выборы в генеральный штаб национальной гвардии. Временное же правительство распустило слух, будто вооруженные рабочие, под предводительством Бланки, Кабэ, Распайля, двинулись к ратуше, чтобы свергнуть временное правительство и провозгласить коммуну. Тогда мелкая буржуазия, испугавшись за целость своих лавок, подняла крик: «Долой коммуну! Долой Луи Блана! Долой Бланки, Распайля, Кабэ!» Буржуазные национальные гвардейцы и мобильная гвардия, заблаговременно созданная временным правительством для борьбы с рабочими, занимают ратушу, к временному правительству являются депутаты с выражениями благодарности за спасение отечества. И когда рабочие, в свою очередь тоже подошли, наконец, с Марсова поля к ратуше, то с удивлением узнали, что буржуазия только что одержала над ними фиктивную победу. Вся эта комедия была устроена с целью призвать вновь в Париж высланные из него революционным народом регулярные войска. В провинции также во многих местах были организованы демонстрации против социалистов, окончившиеся кровавыми столкновениями. Буржуазия готовилась к решительному бою с пролетариатом.

Незадолго до последнего столкновения буржуазии с пролетариатом Парижа, когда они еще не вступили в борьбу, но только мерили силы друг друга, Бланки поразил тяжелый удар, оставивший глубокий след на всей его жизни. Реакционная буржуазия в союзе со шпионами июльской монархии не удовольствовалась тем, что оклеветала парижский пролетариат перед всей Францией.—Она решила оклеветать и его вождей, и поселить раздор в их среде. Этим она надеялась еще более парализовать социалистическое движение.

31-го марта, в маленькой газетке журналиста Ташеро Revue retrospective появляется искусно составленный полицейскими агентами Луи-Филиппа документ, по которому Бланки, во время следствия по делу восстания 1839 года, будто бы делает самые подробные разоблачения относительно тайных обществ перед тогдашним министром внутренних дел. При этом сообщается и ироническая характеристика, которую будто бы дал Бланки о своих товарищах. По произведенному следствию оказалось, что документ не был ни написан, ни подписан рукой Бланки и представлял собой какую-то копию с документа, составленного в министерстве внутренних дел. Опрос бывших чиновников министерства не привел ровно ни к чему, так как они окончательно запамятовали все, что касалось этого документа. Но зато он вполне оправдал надежды реакционеров и произвел свое действие. От Бланки многие отшатнулись; особенно живо отнеслись к документу во враждебном Бланки лагере,— в лагере Барбеса. Сначала, впрочем, Барбес то же не верил в подлинность этого документа и говорил, что ничего нет легче для полицейских агентов, как выдумать что-либо подобное. Но потом, под влиянием вражды к Бланки, под влиянием убеждения своих фанатических сторонников, он мало-по-малу сам убедил себя в истинности этого документа. Он утверждал, что никто больше не мог сообщить таких подробностей, и совершенно забыл, что общество «Времен года» не избегло участи большей части тайных обществ и тоже имело в своей среде агентов-провокаторов.

Бланки с глубоким презрением отнесся к возведенной на него клевете. Он ответил на нее двумя письмами в газеты, а затем сам выпустил листок под заглавием: «Ответ гражданина Огюста Бланки». В этом ответе он, пункт за пунктом, опровергает документ. Затем указывает на страдания, вынесенные им в тюрьме св. Михаила, на нищенскую жизнь на чердаке, которую он вел теперь. «Я вышел оттуда,—говорил он,—с побелевшими волосами, а теперь мне кричат: изменник!» Бланки указывает на ту травлю, которую поднимает против него буржуазия, которой он об'ясняет и всю взведенную на него клевету, и обрушивает на своих врагов целый град насмешек и презрения: «Вы преследуете во мне непреклонность революционера,—упорную преданность идее», обращается он к ним. Затем он указывает на все попытки временного правительства разбить революционное движение, на все его интриги и бросает прямо в лицо, стоящей у власти буржуазии: «Вы—подлые трусы, реакционеры!» Бланки понял и самый смысл, и происхождение рокового документа. Бывшие члены общества «Семейств» и «Времен года» с своей стороны выпустили тоже протест, а клуб Бланки ждал только знака с его стороны, чтобы устроить манифестацию. Но Бланки не подал этого знака; политические события слишком быстро шли вперед, и на личных вопросах некогда было останавливаться.

XIV.

Взрыв 15-го мая и окончательное подавление социалистических течений второй республики.

И на почве, политой кровью мучеников, вырастет дерево свободы.
Мышкин.

4-го мая собралось национальное собрание, в котором преобладали умеренные буржуазные республиканцы, питавшие глубокую ненависть к коммунизму. Бланки не ошибся в оценке настроения Франции. Национальное собрание имело в виду совсем не ту республику, за которую боролись февральские революционеры. Маркс говорит, что началом второй республики нужно считать не 24-е февраля, а 4-е мая. Национальное собрание быстро принялось ликвидировать все созданное февральской революцией социальные учреждения, и когда Луи Блан потребовал учреждения обещенного министерства труда, собрание ответило отказом. «Теперь речь идет только о том, чтобы вернуть труд в прежние условия», заметил министр Трела. И на очередь стал теперь вопрос, как бы охранить буржуазную республику от нападения пролетариата.

Пролетариат сам помог в этом буржуазии и ускорил развязку, ворвавшись 15-го мая в национальное собрание. Буржуазия увидела в этой революционной вспышке нападение социализма на буржуазную республику, и приняла меры. Оно отчасти так и было. Вспышка 15-го мая была тщетной попыткой парижского пролетариата вернуть свое революционное влияние. Но было уже поздно. Буржуазия собралась с силами, и разгром про-

летариата был уже вопросом недалекого будущего, нужен был только удобный предлог. В этом отношении хорошую службу для буржуазии сослужили национальные мастерские.

Руководителями 15-го мая опять явились Бланки и Барбес, но Бланки шел против своей воли, следуя желанию народа. Лозунгом этого народного взрыва было заступничество за Польшу. Вступаясь за угнетенную страну, пролетариат чувствовал, во-первых, свое единство с пролетариатом других стран, а, во-вторых, им руководили традиции великой революции, распространявшей свои освободительные веяния на всю Европу. Парижские рабочие решили обратиться к национальному собранию с петицией в пользу Польши.

Когда толпа народа с петицией в руках, ворвалась в собрание, Распайль вошел на трибуну и прочел ее. Толпа потребовала на трибуну и Бланки. Бланки, бледный, решительный и возбужденный событиями последних дней, поднимается на трибуну и начинает говорить. Он чувствует, что каждое его слово теперь будет иметь влияние на ход событий. Он говорит о далеком угнетенном народе. Толпа аплодирует ему. Но Бланки хорошо понимает, что суть дела не в Польше, а в судьбе пролетариата. Он переходит к реакционной манифестации в Руане, к насилиям, произведенным там национальными гвардейцами, и требует правосудия. Затем он переходит к положению пролетариата в Париже, указывает на его нищету, напоминает, что народ пожертвовал республике тремя месяцами голодания и скоро подходит срок этому векселю; буржуазия должна будет заплатить по нему, буржуазия до сих пор ничего не сделала для народа, который лил свою кровь на баррикадах.

После Бланки на трибуну вскакивает Барбес и, не желая отстать от своего соперника, требует немедленного выступления армии в Польшу, удаления войск из Парижа и миллиардного налога на богатых. Гюбер об'являет национальное собрание распущенным и читает список нового временного правительства, куда входили Бланки, Барбес, Луи Блан, Распайль, Лагранж, Консидеран,

Прудон и др. Но укрепить свою власть это временное правительство уже не могло. Национальная гвардия окружила ратушу, толпа разошлась, и заседание национального собрания продолжалось.

В этот вечер правительство произвело до 400 арестов. Бланки был взят только 11 дней спустя. Революционные клубы были закрыты. С этого дня рабочие лишились своих вождей, а мелкая буржуазия, испуганная призраком коммунизма, примкнула к правящей буржуазии и отдала ей в жертву пролетариат Парижа. Буржуазия вызвала его на бой в знаменитые июньские дни и покрыла улицы Парижа его трупами. Затем наступила эпоха репрессий.

Все руководители взрыва 15-го мая были заключены в Венсенскую тюрьму. Бури июньского восстания и гибель всех надежд пролетариата долетали до ушей скованных вождей революции; народ ждал, что к нему явится Барбес, Бланки, что они помогут ему организоваться. Но пленники были обречены на безмолвие и неподвижность в своих непреступных стенах. Когда смолк гул борьбы с социалистическими стремлениями рабочих Парижа, после девятимесячного заключения, они предстали перед верховным судом мещанской республики.

Старик Распайль в своей речи пытается внести примирительное настроение и, по возможности, защитить своих товарищей. Своим тонким дипломатическим умом он легко опровергает обвинения и остроумно шутит. Барбес держит себя более непримиримо и менее выдержанно. «Я не признаю вашего суда,—заявил он,—я ваш военнопленный», и отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы; но затем не выдерживал, вмешивался в дискуссии и открыто проявил свое враждебное отношение к Бланки.

Бланки выступил с громовой речью, обвиняющей буржуазное общество и временное правительство в интригах и недостойных поступках. «Без радикальной реформы общество погибнет,—говорит он,—к нему нужно взывать, подобно Ионе: «еще сорок дней, и Ниневия погибнет!» Пусть Ниневия покается, это единственная возможность ее спасения».

Когда выяснилось, что Гюбер, об'явивший распущение национального собрания, был агентом полиции, Бланки понял, кому нужно было воспользоваться манифестацией 15-го мая, против которой он так восставал в своем клубе; но раз народ потребовал ее, то Бланки не счел себя в праве не повиноваться народу. Говоря о самом себе, он сказал приблизительно следующее: «Защищая дело народа, я получал с разных сторон удары от своих врагов; но время доказало, что все эти нападки, направленные на меня, имели целью поразить через меня дело революции. В этом мое оправдание и моя заслуга. Сознание правильно исполненного долга поддерживало меня среди всех моих тяжелых испытаний. Наступит, наконец, день прояснения сознания. Пусть он заблестит над моей тюрьмой,—он найдет меня в обычном местожительстве, с которым мне мало приходилось расставаться в течение последних 12-ти лет. Победоносная революция вырвала меня оттуда на один момент, революция преданная и побеждённая посылает меня опять туда же».

Затем Бланки раз'яснил, что если бы он и его товарищи, имеющие некоторый навык в политической борьбе, считали нужным произвести переворот 15-го мая, то они не стали бы столько времени рассуждать с трибуны, а посттупили бы гораздо более решительно.

Когда на другой день президент суда спросил Бланки, не имеет ли он чего-нибудь добавить в свое оправдание, Бланки бросает временному правительству упрек в недостойной борьбе против него, в подделке документа Ташеро.

Несмотря на то, что перед судом определенно выяснилось, что никакого заговора против республики не существовало, суд вынес обвиняемым суровые приговоры многолетнего тюремного заключения. Бланки был осужден на десять лет и отправлен в Дулланскую тюрьму. Через $1^1/_2$ года его перевели в цитадель Бель-Иль, где первые три месяца продержали в одиночном заключении. В Бель-Иле Бланки опять встретился с Барбесом и многими другими военнопленными мещанской республики, с своими врагами и друзьями.

XV.

Бланки в цитадели Бель-Иль.

Только те, кто готовы умереть
за нее, знают—что такое свобода.

Сталь.

На запад от Бретани лежит маленький скалистый островок Бель-Иль. В XVII веке здесь была выстроена сильная крепость и грозно направленные к океану жерла его пушек охраняют берега Франции; а внутри крепости находятся казематы и исправительная тюрьма, где буржуазия второй республики держала своих врагов—вождей февральского движения, которым она была обязана своим освобождением. Здесь, под надзором целой армии жандармов, их было собрано больше шестисот человек; и здесь-то томились в мучительном бездействии эти пылкие головы, эти страстные политики, только что вынесшие на своих плечах всю бурю государственного переворота. Сюда же, после двухлетнего одиночного заключения, был переведен и Огюст Бланки.

Поседевшего ветерана встретили здесь и взрывы самой горячей симпатии, и проявления непримиримой вражды,—той вражды, какая только может разыграться среди страстных политиков в самом огне борьбы за равно дорогое им дело. Но обаяние личности Бланки подействовало и на врагов его и, после первых криков: «Долой Бланки!» по всем рядам узников пробежал почтительный рокот: «Бланки!.. Бланки!.. Это Бланки!..» Бланки, спокойный и непроницаемый, как всегда, тихим шагом обо-

шел товарищей, крепко пожал протягивающиеся к нему со всех сторон руки и занял свое место среди узников.

Заключение в цитадели Бель-Иль не было таким тяжелым, как в тюрьме св. Михаила. Империя тоже не усилила репрессий против заключенных. В известные часы дня двери всех камер растворялись, и заключенные могли видеться друг с другом и переходить из одной камеры в другую. Каждые две камеры сообщались между собой дверью. На прогулку выходили все вместе на большую лужайку, где можно было свободно говорить и двигаться. Здесь устраивались целые политические собрания, произносились речи, обсуждалось положение дел во Франции и во всей Европе. Тяжелее всего было узникам слышать, как постепенно замирало во Франции всякое революционное движение, как подавлялись последние волны европейских восстаний и как всюду воцарилась мертвая тишина реакции. И только они остались еще жить в этой могиле, отрезанные от всего живого и осужденные на бездействие, на медленное умирание среди океана в то время, как их силы и энергия так нужны были для борьбы с мрачной реакцией.

Соседом Бланки по камере был Казаван, молодой студент-медик, темноволосый, худощавый южанин, в очках, с очень энергичным и решительным характером. Он уже делал одну попытку к бегству из замка Фуке и с тех пор состоял под особенным надзором. В камере Барбеса ежедневно собирался настоящий политический клуб,— здесь был центр всей политической жизни тюрьмы. Но Бланки, разумеется, не мог быть членом этого клуба.

Бланки скоро разобрался во всех своих отношениях и устроился довольно уединенно тем более, что он и по натуре мало подходил к шумному обществу своих товарищей. В своей одинокой камере он почти все свое время посвящает самым серьезным занятиям, поглощает целые библиотеки книг, занимается политической экономией, философией, отвечает длинными письмами авторам, присылающим ему свои труды, пишет статьи в различ-

ные газеты и журналы, при чем, несмотря на целые годы отделения от мира, проявляет тонкое политическое чутье. В Бель-Иле же он начал заниматься и астрономией, в области которой он оставил серьезные ученые работы. В своем образе жизни Бланки продолжал оставаться тем же суровым аскетом, каким он был с самых ранних лет своей юности, питался почти одними овощами и с этой целью разводил их даже на окне своей камеры.

Тюремная жизнь шла своим порядком, как всегда идет жизнь в подобных учреждениях. Бывали периоды спокойствия и светлого настроения, бывали и периоды подавленности и бурных протестов. Заключенным постоянно приходилось бороться и за лучшие условия содержания, и за лучшую пищу. Происходили целые бунты,—тяжелые, тюремные бунты, оканчивающиеся избиением узников прикладами, карцером, лишением обычной пищи и т. п. Особенно мрачно и напряженно чувствовали себя заключенные, когда умирал кто-нибудь из товарищей. Тогда они устраивали демонстрацию и с пением революционных песен провожали навеки уходившего от них товарища.

Бланки с самого начала занял резко оппозиционное положение по отношению к тюремной страже. «Он был с нами не очень любезен», говорит один из них, вспоминая этого ветерана революции. Бланки почти не говорил с ними, отвечал им в случае только самой крайней необходимости, обыкновенно же почти не замечал своих охранителей. Сначала они протестовали против его молчания, настаивали на ответах, но потом привыкли. Отворив дверь камеры, при вечерней перекличке, сторожа убеждались, что пленник их на месте, и уходили, не дожидаясь ответа. Это сыграло очень важную роль в планах Бланки. Он жил в своей тюрьме так спокойно и регулярно, как будто бы намеревался провести здесь всю свою жизнь, но на самом деле он с самого своего прибытия задумал побег. Сосед его, Казаван, с которым он собрался бежать вместе, стал держать себя также с тюремщиками. Мало-по-малу они оба стали при

входе их принимать вид неподвижных манекенов, застывших над своими книгами и бумагами. На первый раз сторожа удивились, но потом привыкли и к этому.

Бегство подготовлялось. Бланки обложил себя картами и изучал окрестности. И вот, наконец, оба узника смастерили манекены, одели их, как всегда одевались сами, усадили за стол, взяли с собой давно уже заготовленные веревки с узлами и с кусками дерева на концах и, выбрав для побега день новолуния, они не вернулись с остальными с вечерней прогулки. Воспользовавшись спускающимися сумерками, они спрятались за высокими грядками гороха и оставались там, пока совсем не стемнело. Остальные заключенные разошлись по своим камерам, манекены при перекличке оказались на местах, двери камер закрылись, прошел обход, и тюрьма стихла.

Ночь надвигалась туманная и ненастная. Чтобы избежать второго обхода, беглецам приходится, с помощью своих веревок, спуститься в лежащий около огорода водоем. Полтора часа проводят они здесь по колена в воде, дрожа от холода. Но вот прозвонил звонок, и последний обход кончен. Их отсутствия не заметили. Веселые и совершенно измокшие, беглецы перелезают невысокий забор, окружающий место прогулки. Затем, перед ними тюремная стена, усыпанная битым стеклом. Они перебрасывают на нее свои плащи и таким образом благополучно одолевают это препятствие. Теперь они вне тюрьмы, но им еще нужно выйти из крепости. Веревку им не удалось забросить на высокую крепостную стену. Они взбираются на нее с помощью своих ножей, прикрепляют на верху веревки и спускаются по ним вниз.

Здесь они осторожно обходят цитадель, пробираются под жерлами пушек, затем переходят, один за другим, два рва, окружающие крепость, и узники... на воле! Темная ночь скрыла их бегство.

Но где помогла природа, там предали люди. До ближайшей деревни им было около часу ходьбы самой пустынной местностью. Беглецы не решились идти открыто

и пошли окольными путями,—полями и тропинками, перебираясь через ручейки и утопая в болотах. Совершенно разбитые от усталости, промокшие, все покрытые грязью, пришли они, наконец, в ближайшую деревню. Но до указанного им приюта оставалось еще минут десять ходьбы, как им сообщил встречный крестьянин. Они предложили ему проводить их туда за пять франков. При этом из ночной темноты вынырнули еще какие-то фигуры и засыпали путников расспросами. Они кое-как дают об'яснения, и, наконец, около двух часов ночи их приводят к указанному им дому. Беглецы обращаются к хозяину с просьбой переправить их на континент, но оказывается, что он—совсем не моряк и не может взяться за это дело. Вдруг за спиной хозяина вырисовывается темный силуэт, и молодой голос произносит: «Я—моряк и охотно перевез бы вас сегодня, если бы это было возможно». Бланки и Казаван взглянули на говорившего, и лицо его показалось им очень приятным и интеллигентным. Они вышли потолковать с ним, рассказали ему всю правду и предложили пятьсот франков за переправу. Молодой моряк сказал, что он уже сам догадался, крепко пожал им руки и заявил, что готов служить беглецам. Но этой ночью нечего и думать о переправе. И действительно, море грозно ревело и волновалось. Пришлось провести ночь на роковом острове. Их отвели на ночлег на сеновал.

Наконец, наступает утро,—первое утро того дня, когда они должны быть свободны. Кругом царит мертвая тишина... Но вот вдали послышались твердые, решительные шаги; их все больше, больше... идет целый отряд. Это тюремные сторожа в своих зеленых куртках с самим начальником тюрьмы во главе; за ними следует бригада жандармов из цитадели. Все они прямо идут к сеновалу, одни окружают дом, другие поднимаются по лестнице. Начальник стражи отдает приказание выбросить пленников прямо из окна вниз; и их сбрасывают с высоты 8-ми футов, поднимают кулаками и ударами прикладов, раздевают их под проливным дождем, грубо обыскивают и отбирают все деньги, драгоценности и кар-

ту Бель-Иля. Когда их снова одели, отряд собрался в обратный путь,—обратно в проклятые стены ненавистной тюрьмы! На этот раз измученные пленники отказываются идти. Тащить их силой больше часу, разумеется, невозможно. Тюремщикам пришлось взять тележку, в которую они и уложили их, предварительно крепко стянув веревками. Бланки так писал сам потом об этом возвращении: «Было чудное, теплое утро, тихое и влажное. Дождь перестал. Издали слышился шум стихавшего моря, и легкий юго-западный ветерок слегка колыхал крылья ветряных мельниц. Небо было еще серое, но облака стояли высоко, и жаворонок весело заливался в вышине. Перед нами уже не было больше волшебного острова, причудливых тропинок, фантастических теней. Ночные чары исчезли. Прямое, широкое шоссе пересекало равнину, по которой там и сям разбросаны деревеньки».

Встречные прохожие с любопытством смотрели на странное шествие.

Предатель же получил иудину плату, но все односельцы отвернулись от него. На полученные деньги он выстроил себе дом, который до сих пор носит название «Замок Бланки», и окрестные жители уверяют, что умерший уже предатель появляется там от времени до времени и бродит по комнатам.

Пленники заплатили за свою смелую попытку 29-ю днями тяжелого заключения в темных и сырых подземных казематах крепости. Светлый рассудок закаленного страданиями Бланки стойко вынес и это испытание. Он заболел здесь только воспалением легких, но скоро оправился и вернулся к товарищам только побледневшим и похудевшим, но нисколько не изменившимся ни характером, ни привычками. Надзор за обоими беглецами, разумеется, усилили,—их разделили и отняли все льготы.

XVI.

Последние годы заключения Бланки и начало бланкистской организации.

Я знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

„Мцыри",—Лермонтова.

Только четыре года спустя после неудачной попытки Бланки бежать, ворота цитадели Бель-Иль растворились перед ним, но не для свободы, а для перевода его в другую тюрьму на острове Корсике. Барбес был освобожден уже в 1854 г. личным распоряжением Наполеона III. Он отказался принять это помилование, но через два дня его вывели за ворота тюрьмы. Тогда он поехал в Париж и послал в Moniteur Officiel письмо, в котором он решительно отказывается от помилования, дает свой адрес и заявляет, что будет ждать два дня, чтобы его вновь взяли в тюрьму. По истечении же этого срока он сам добровольно оставляет Францию. Никто за ним не явился, и Барбес спокойно уехал и никогда уже не возвращался более во Францию.

В корсиканской тюрьме условия заключения были гораздо тяжелее. Летом палящие лучи южного солнца так нагревали белые, каменные стены тюрьмы, что узники буквально задыхались; зимой же со всех стен, с потолка капала вода, все покрывалось плесенью, и заключенные дрожали от холода. Здесь Бланки провел еще почти $1^1/_2$ года, до самого конца десятилетнего срока, назначенного ему приговором. Наконец, 2-го апреля 1859 года он окончательно покидает стены тюрьмы, но тоже не для свободы,—его посылают в ссылку, на северный

берег Африки. И только в 1859 г., по всеобщей амнистии, которую дал Наполеон, переходя к либеральной политике, Бланки получил полную свободу.

На родине он застал много перемен: его матери и брата Адольфа уже не было в живых, и Бланки был глубоко огорчен этими потерями. После долгой разлуки он, наконец, увидел и своего сына, теперь уже двадцатичетырехлетнего юношу, очень похожего на него лицом. Но это был совершенно чуждый ему человек. Родственники его покойной жены воспитали из него сытого буржуа, совершенно равнодушного ко всему тому, за что отец-Бланки отдал свою жизнь. Он настолько тупо и бессердечно отнесся ко всем задушевным стремлениям отца, что предложил ему поселиться у себя с условием отказаться от политики. Бланки даже не ответил ему. Юноша, очевидно, не имел ни малейшего представления о том, чем была для Бланки эта политика. Они расстались, и старик остался попрежнему, как был, бедняком.

Но на этом его испытания еще не кончились. Все свои труды и работы, которые он писал в тюрьмах, отдавал он на сохранение своей матери. И вдруг он узнает, что мать, умирая, приказала своему меньшому сыну Жерому сжечь все эти писания на ее глазах. Узнав об этом, Бланки пришел в страшное отчаяние. Обыкновенно сдержанный и молчаливый, страстно любивший свою мать, он не удержался от упреков ее и в отчаянии бродил по аллеям парка, повторяя: «Мои рукописи, все мои рукописи уничтожены!» Затем он не надолго уехал в Лондон, где тогда жило много политических эмигрантов всех стран.

Между тем нужно было энергично работать, нужно было создавать организацию, дела было много. Париж совершенно смолк под гнетом наполеоновского деспотизма. Все социальные завоевания февральской революции были отняты у народа еще республиканским правительством: оно вновь установило 12-тичасовой рабочий день на место 10-часового, введенного революцией, вычеркнуло из проекта конституции право на труд, признания которого так добивались февральские борцы, и в конце-концов, когда демократические партии были окончательно разби-

ты, отменило и всеобщее избирательное право. Политическая жизнь замерла. Кучка хищников, во главе с наглым авантюристом, управляла судьбами народа. Задавленная пресса молчала, да и все, кто только мог говорить, сидели в томительном бездействии за крепкими стенами тюрем и крепостей. Пролетариат же, лишенный своих вождей, потерявший свои лучшие силы во время июньской бойни, совершенно растерялся и не думал ни об организации, ни о сопротивлении кучке эксплоататоров, царивших среди безмолвия кладбища и создававших себе миллионные состояния нищетой народа. Когда Бланки вернулся из Лондона, кругом него тотчас же стало собираться все, что было революционного в Париже. За долгие годы его заключения уже выросло новое, молодое поколение революционеров, с глубоким почтением относившееся к «Вечному Узнику»; это теперь был их «старик».

С первых же шагов Бланки заметил, что все кругом дышит шпионством и полицейским режимом. За ним и его друзьями, освобожденными из тюрем, следило недреманное око, и каждый неосторожный шаг мог повести к аресту. Нужно заметить, что для Бланки стало еще труднее, чем прежде, ориентироваться на воле. Он отвык от свободы, его волновал каждый его свободный шаг. Когда Мишле поздравил его с освобождением, Бланки признался, что ему тяжело на воле и что он спокойнее чувствует себя в тюрьме.

Однако, он успел все-таки вдохнуть, энергию и надежду в своих старых товарищей, собрать разрозненные, неорганизованные элементы недовольных и положить начало революционной организации, назвавшейся теперь, по его имени,—б л а н к и с т с к о й. Полицейское правительство скоро заметило оживление революционной деятельности, при обысках нашлись брошюры, листки, и хотя не было никаких определенных доказательств против Бланки, но арест его был решен. Несколько времени Бланки и на этот раз удается скрываться, затем его берут на улице, и 14-го июня 1861 года он снова приговаривается к четырехлетнему тюремному заключению.

— ——

XVII.

Бланки в С.-Пелажи и его борьба с церковными предрассудками.

Я был ненавистен насилью и гнету
Язык твоих смелых речей.
С. Надсон.

Двери тюрьмы снова раскрылись для «Вечного Узника». На этот раз он был заключен в С.-Пелажи. Здесь Бланки встретил большое и очень интеллигентное общество политических пленников второй империи: литераторов, журналистов, бывших депутатов, сознательных рабочих и т. п. Эти годы заключения в С.-Пелажи были, может быть, самыми счастливыми в жизни Бланки. Прежние его политические враги рассеялись, и травля прекратилась. Он увидел себя, наконец, понятым и признанным новым поколением революционной молодежи, с глубоким уважением выслушивающей каждое его слово. Ему нечего было теперь защищаться или оправдываться. Вся его жизнь полная истинного самоотвержения, глубокой преданности делу и беспрерывных страданий, говорила сама за себя. Но тяжелые испытания не прошли бесследно для старого революционера,—характер его стал еще более тяжелым, недоверчивым, замкнутым. Во всей тюрьме не было заключенного, менее общительного и более сдержанного и подозрительного.

Политические заключенные в С.-Пелажи могли свободно общаться друг с другом, переходить из камеры в камеру и вместе обедать. И камера Бланки, разумеется,

привлекала к себе молодежь, стремившуюся повидать и послушать знаменитого революционера, поделиться с ним своими планами и мечтами. Но Бланки решительно не шел на сближение. Он попрежнему вел аскетический образ жизни, спал с открытым окном, как во времена своей молодости, так что часто снег засыпал его постель, питался молоком и вареными овощами. Он сам хорошо знал, что его считают чудаком и делался еще более нелюдимым.

В продолжение долгих лет своего заключения Бланки постоянно учился и сильно эволюционировал в умственном отношении. Коммунистические воззрения его окончательно определились и сыграли огромную роль в его последующей политической деятельности. Он стал во главе французских коммунистов, но самый коммунизм он понимал несколько своеобразно. Он не разделяя взгляда немецких коммунистов, что для осуществления его нужен известный уровень экономических и общественных отношений, и придавал больше значения умственному развитию общества. По его мнению, группа убежденных коммунистов, захватив в свои руки власть, должна была прежде всего позаботиться о широком просвещении народа. В этом он видел опору коммунизма. С особенной ненавистью относился он к церкви, отуманивающей народное сознание, да и вообще к христианству. В этом заключается особенная сила его влияния на молодежь в эти годы. Во второй половине империи во Франции с особенной силой развилось отрицательное отношение к религии, и оно встретило в Бланки не только горячую поддержку, но и глубокое, научно-философское толкование. Глубина мысли и остроумие Бланки в этой области были неистощимы. Дискуссии по этим вопросам выводили его из обычной сдержанности, и молодежь с восторгом слушала своего учителя. Но в приемах своей политической деятельности Бланки оставался прежним заговорщиком, привыкшим стоять во главе тайных обществ. Впрочем, и режим империи, подобно июльской монархии, не допускал открытой пропаганды. Бланки не терпел возражений себе и требовал, чтобы ему повиновались, не требуя объяснений. Он отстранялся от всех, кто мог бы быть ему товарищем, и окружал себя

только учениками, при чем малейшее недоразумение заставляло его порывать отношения. Так, он порвал с Клемансо, молодым студентом-медиком, который, по его указаниям устроил тайную типографию. Когда Клемансо спросил у него объяснения причины такого разрыва, Бланки откровенно сказал ему, что ему очень не нравится его дружба с Делеклюзом, которого он считает своим врагом.

Особенным любимцем Бланки сделался молодой писатель, Жан Долан, редактор журнала «Sirveu». Он ходил на свидания к Бланки и играл с ним в шахматы. Математический ум Бланки пристрастился к шахматной игре, и старый революционер с нескрываемым удовольствием встречал своего обычного партнера. Затем с особенным доверием Бланки относился к другому писателю, Теофилу Сильвестру, который напечатал впоследствии интересные записки о Бланки, где привел некоторые в высшей степени интересные разговоры с ним. Бланки с исключительной откровенностью высказывался перед ним и рассказал даже историю своих отношений с Барбесом и многие подробности о своей прошлой жизни. Среди своих новых молодых друзей Бланки выделял также талантливого Густава Тридона, будущего автора «Гебертистов», с которым у него было так много общего во взглядах на религию и в отношении к греческим и римским классикам.

Бланки попрежнему продолжает много читать и работать. Любимый книгой его сделалась книга Макиавелли «Le Traitè du Prince». Часы своих прогулок он посвящает теперь обучению грамоте уголовных преступников, и они с любовью окружают больного старика, старающегося дать им то, что он считал самым важным на свете.

Бланки много хворал эти годы, но, наконец, болезнь окончательно уложила его в постель. 12-го матра 1864 г. его перевели в госпиталь Неккера. В соседней комнате поместили агента охранной полиции. Сюда два раза в неделю к нему приходили посетители. Одно время у Бланки выходил даже свой журнал «Candid», появлявшийся два раза в неделю и посвященный, главным обра-

зом, борьбе с религиозными предрассудками. Бланки подписывался в нем псевдонимом Suzamel, сокращенным из имени своей покойной жены Сюзанны-Амели. Он, со всей пылкостью своей страстной натуры, нападал на монотеизм, подавивший вавилонскую цивилизацию, и на христианство, занявшее место римской и греческой культуры. «Тьма! Это—тьма!—пишет он.—С палестинских скал семитический монотеизм кинулся на Рим. Менее чем в столетие сделал он из него труп. Науки, искусства, вся культура человеческого духа гибнут под его тяжелыми шагами. Христианский фанатизм, с факелом и молотом в руках, шествовал по империи и уничтожал храмы, разбивал статуи и, в порыве ярости, топтал чудные книги Рима и Афин. Вихрь самума пронесся из пустыни и поглотил лучшие произведения ума человеческого. Эта чудная литература, полная гениальности и здравого смысла, соединявшая в себе величие и красноречие, силу и изящество... изгоняется, проклинается, уничтожается. Остается только одно религиозное безумие да мрачное и монотонное бормотанье: Бог! Бог! ад! ад!»

Разумеется, такой журнал не мог долго просуществовать в те времена. После появления восьмого номера его закрыли и редактора привлекли к суду. Да и Бланки чувствовал, что ему трудно вести его из больницы, под надзором тюремной стражи. Срок его заключения кончался, но в виду усиленной охраны он мог быть почти уверен, что его пошлют в ссылку, как это уже случилось с ним после его освобождения из корсиканской тюрьмы. Поэтому он решил бежать. Надзор за ним ослабел в последнее время заключения,—он свободно ходил по коридорам и даже выходил в сад. За ним ухаживали две сестры милосердия. Одна из них была благочестивая старушка, стремившаяся обратить к церкви старого атеиста. Другая—молоденькая девушка—с глубоким почтением относилась к тихому, молчаливому старику. Обе они мало могли помешать побегу. Нужно было только найти способ уйти из больницы и сделать так, чтобы отсутствия его не заметили в течение нескольких часов для того, чтобы успеть переехать границу. В виду этого он стал ча-

сто выходить в сад в то время, как ему приносили ужин. Сначала о нем справлялись, но потом привыкли.

И вот однажды на свидание к нему пришло несколько человек и принесли все, что нужно для переодевания. Ему обрезали его седые пряди волос, сбрили бороду, надели белокурый парик, и Бланки сам не узнал себя, взглянув в маленькое зеркало. Когда настало время уходить, все прошли один за другим мимо сторожа и между ними Бланки. Последним шел его старый приятель, Казаван; обернувшись к дверям камеры Бланки, он, как обыкновенно, крикнул ему: «Итак, до четверга, милый друг!»

Бланки опять был на свободе, опять среди живых людей. В тот же вечер он благополучно переправился через границу и уехал в Брюссель. Перед отъездом он послал письмо в газету Лонге «Rive gauche», в котором объясняет, почему он предпочел бегство перед самым своим освобождением.

XVIII.

Борьба с мютюэлистами и дело Лавилетской казармы.

> Массы вовлекаются в поток движения не только практически, но и духовно, только кипучей силой действительных событий.
>
> *Ф. Лассаль.*

Вскоре после своего бегства в Брюссель Бланки едет в Женеву, где в тот год происходит конгресс интернационала. На этом конгрессе произошло жестокое столкновение парижских мютюэлистов, сторонников кооперативных товариществ и обществ взаимопомощи, с лондонскими членами интернационала, провозглашавшими необходимость политической борьбы. Бланки, разумеется, был на стороне лондонцев и после конгресса вступил в горячую борьбу с мютюэлистами и в рабочих кругах Парижа.

Когда во вторую половину империи Наполеон несколько ослабил гнет своего диспотизма, политическая жизнь в стране снова ожила. Выборы 1863 года показали, что в стране существует значительная оппозиция правительству. Париж выбрал только оппозиционных депутатов. Но пролетарии Парижа, со времени июньских дней упорно держались в стороне от политики. Однако, развитие промышленности и усовершенствование путей сообщения, способствовавшие восстановлению господства и обогащению буржуазии, в то же время усиливали эксплоатацию пролетариата и все более концентрировали его массы в круп-

ных промышленных предприятиях. Вместе с тем пролетариат все более чувствовал свою классовую обособленность и потребность организованной борьбы с эксплоататорами.

Начало возрождению рабочих организаций положили мютюэлисты. Они объединили в союзы и кооперативные товарищества недоверчиво настроенных рабочих. Правительство не препятствовало этим организациям и даже скорее покровительствовало им, разрешив в 1864 г. рабочие ассоциации,—это движение ведь отвлекало рабочих от политики в сторону их чисто профессиональных интересов и отнимало у революционного движения наиболее энергичные элементы из среды пролетариата. Но, с другой стороны, мютюэлизм оказал услугу и социалистическому движению тем, что сплотил массы и научил их бороться за свои насущные интересы.

Первым проявлением возрождения рабочего класса во время империи был манифест 60-ти. Несмотря на свой крайне умеренный тон и полное отрицание коммунистических воззрений, он все-таки произвел сильное впечатление, так как решительно выдвинул принцип классовой борьбы. В то же время ядро тайной политической организации, основанное Бланки тотчас же после его возвращения из африканской ссылки, тоже росло и развивалось. Это были кадры революционеров, всегда готовые к выступлению, но широкие рабочие массы не шли за ними. Между обоими направлениями завязалась упорная борьба, особенно сильно отразившаяся на деятельности интернационала. Бланки всей своей революционной душой ненавидел эти легальные кооперации. Он в них видел только новое приспособление к современным условиям, средство для парализования революционных стремлений рабочего класса. При составлении устава интернационала пришлось сильно считаться с этим направлением парижских рабочих, и в уставе были сделаны кое-какие уступки мютюэлизму. Но после женевского, а особенно после базельского конгресса, значение его в интернационале падает, так как этот последний окончательно принял социалистическую программу, не разделяемую мютюэлистами. Мютюэлисты считали, что со-

циализм представляет собой пустую, неосуществимую мечту, и даже к стачкам они относились враждебно, так как по их мнению, стачки были выгодны только капиталу. Бланкисты же, напротив, приняли очень деятельное участие в стачечном движении, что проложило им путь в среду пролетариата, и бланкистские организации стали быстро расти, число членов их быстро увеличилось до 2.000.

Бланки из своего брюссельского уединения управляет революционным движением в Париже и постоянно сносится с его вождями, которые, в свою очередь, ведут деятельную пропаганду. Время от времени он тайно приезжает в Париж, чтобы лично столковаться с своими учениками. Но в своих приемах организации Бланки продолжает придерживаться старого, заговорщического метода, несмотря на то, что времена изменились, и явилась некоторая возможность действовать непосредственно среди широких масс пролетариата. Теперь эти массы были налицо, они организовались, руководясь своими ближайшими интересами, понятными и мало сознательным рабочим. Нужно было только давать правильное направление их движению. Бланки же вкладывал всю свою энергию, чтобы организовать тайное общество революционеров, которое не могло быть органически связано с широкими массами. Тем не менее организации его все-таки сильно разрослись, и потребовалось присутствие в Париже самого Бланки. Он приехал и провел в нем нелегально целых шесть месяцев. Его близкие друзья Гранже и Эд сняли для него маленькую комнатку на бульваре Монпарнасс, где он вел свой обычный регулярный образ жизни, к которому привык во время своих долголетних заключений. Здесь, в этой маленькой комнатке, написал он несколько работ по вопросам религии и философии, а именно: «О Христе», по поводу книги Ренана, о фатализме, о свободе воли, о позитивизме, об идее Бога и целую кучу политических заметок. Он много работал теперь также и по политической экономии и даже выпустил целую книгу под заглавием «Капитал и труд», где он настаивал на своей любимой идее,— отдать как можно больше сил и средств на расширение народного образования. Кроме того, к этой же эпохе отно-

сится его работа, касающаяся практики революции: «Инструкция к захвату оружия». Здесь он строит целую теорию революции, развивает планы сражения, дает указания о постройке баррикад, набрасывает образцы прокламаций к народу, к солдатам, к офицерам.

Никто, кроме Гранже и Эда, не знает, где он живет. Обедал, завтракал и принимал посетителей он у Эда. Потребности его были в высшей степени ограничены, он имел только самое необходимое, да и об этом он сам совершенно не заботился. Обожавшие его сестры и друзья доставляли ему, все, что было нужно, и никто ни о чем его не спрашивал. Он жил там, где его устраивали, ел то, что подавали, и весь был погружен в умственную и революционную деятельность.

Увлеченные своими успехами, молодые друзья Бланки рвались к активному выступлению. Они были уверены, что удачно сделанным восстанием теперь можно было разрушить империю. Умудренный опытом своей жизни, Бланки знал, что такие предприятия делаются не так-то легко, и всеми силами отговаривал молодежь. Но это производило на нее неприятное впечатление, она устала ждать, и организация начала таять. Особенно сильно убавилась она с отпадением Жакляра и его сторонников. Республиканская партия время от времени устраивала манифестации против империи, но бланкисты не принимали в них участия.

Наконец, старик дал свое согласие на активное выступление 2-го января 1870 г., во время похорон журналиста Виктора Пуара, убитого принцем Пьером Бонапартом. Гранже предложил ему сделать в то же время смотр своей армии. Вожди ему были известны, и с каждым из них пройдет его отряд. Все они должны были сойтись потом в предместьи Нейльи. И вот в назначенный день Бланки, вооруженный, прислонившись к дереву, смотрел на проходившие мимо него ряды революционеров, и невольное чувство гордости и надежды наполнило его душу,—надежды на то, что в этот день, наконец, произойдет так долго им ожидаемый окончательный переворот. Но надежды его не сбылись и на этот раз.

День окончился только манифестацией. Рошфор и Делеклюз воспротивились попытке к восстанию, и манифестанты спокойно разошлись.

19-го июля была объявлена война с Пруссией, и в парижском населении вспыхнуло националистическое чувство. По всем улицам и бульварам Парижа раздался крик: «В Берлин!» Число членов тайных революционных обществ сразу убыло. Но вскоре же стали приходить вести о поражениях, и настроение изменилось. 9-го августа, когда обнаружилось, что население обманывали успокоительными вестями, толпы взволнованного народа залили улицы Парижа. Повсюду слышатся угрозы правительству, обвинения продажных министров; гвардейским солдатам, охраняющим Тюльери, народ кричит: «На границу!»

Видя такое настроение народа, друзья Бланки решают, что наступил момент свергнуть позорное иго империи, и они снова вызывают Бланки в Париж. 12-го августа Бланки уже в Париже, и в тот же вечер состоялось совещание тайных обществ. Бланки решительно восстал против активного выступления в данную минуту. Он резко заметил Эду, что если ему непременно хочется умереть, то пусть он выбросится из четвертого этажа,—так будет и скорее, и других он с собой не потянет. Но молодежь остается непреклонной, и старый революционер уступает.

Утром 14-го августа Бланки назначил последнее совещание. Когда все собрались, то перед ними был уже не вчерашний колеблющийся старик. Бланки явился с готовым планом военных действий, и назначил выступление в тот же день. Решено было взять сначала казарму в рабочем квартале Лавилет и отнятым у солдат оружием вооружить заговорщиков. Дело это так и получило название «Дело Лавилетской казармы». Однако, несмотря на всю энергию революционеров и на непоколебимое мужество самого Бланки, в грудь которого тотчас же направилось несколько ружейных стволов, как только он вошел в сторожевой пост, старому революционеру пришлось пережить новую неудачу. Повторилось 12 мая 1839 г. Народ, несколько дней тому назад, готовый кинуться на

Тюльери, теперь молчал. Небольшой кучке заговорщиков не удалось вызвать в нем волнения. Полиция постаралась уверить народ, что это действовали прусские агенты. Заговорщики демонстративно прошли весь бульвар с возгласами: «Да здравствует республика!» Но никто не присоединился к ним. Народ молчал.

«Видите,—грустно сказал Бланки окружавшим его друзьям,—никто не присоединяется к нам, ничего невозможно теперь сделать. Нужно было подождать народного движения... Скоро появятся войска, и наши револьверы окажутся бесполезными. Нужно разойтись... Спрячьте оружие и разойдитесь по соседним улицам». Старый заговорщик понял, чего недоставало революционерам.

XIX.

Правительство национальной обороны и осада Парижа.

Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй.

4-го сентября 1870 г. пала империя. Народ, ворвавшийся в городскую ратушу, провозгласил республику. Депутаты Парижа объявили себя временным правительством и прочли свои имена народу; народ ответил криками одобрения. Правда, из толпы выкрикивали и имена революционеров,—Бланки, Делеклюза, Ледрю-Роллена, но депутаты заявили, что они могут считать только себя законным правительством, так как они выбраны парижским населением. Народ, в порыве увлечения вновь завоеванной свободой, ответил и на это криками одобрения; истинные вожди его еще были в изгнании или сидели в тюрьмах империи.

Пруссаки шли на Париж, и медлить было нельзя,—нужно было как можно скорее приступить к решительным действиям против них.

Бланки тоже признал «правительство национальной обороны», как называлось теперь временное правительство, но только под тем условием, что оно направит все силы на спасение Франции и республики; старый революционер предложил ему даже свою помощь. Правда, он хорошо знал ту кучку ловких адвокатов, которые стали

теперь во главе правления, и не ошибался в их отношении к пролетариату, но вначале и он был убежден, что они серьезно возьмутся хотя бы за дело национальной обороны. С отражением пруссаков у него связывалось, по традиции великой революции, и спасение самой республики.

7-го сентября Бланки выпустил первый номер своей газеты «Отечество в опасности», где он говорит, что правительство 4-го сентября представляет собою общую республиканскую и национальную идею; что теперь, перед опасностью нашествия прусских штыков на возрожденную республиканскую страну, должны смолкнуть всякие разногласия; что все должны думать только о спасении отечества. Пруссаки казались ему дикой, некультурной ордой, которая сметет освободительные стремления республиканского народа и, победоносно вступив в Париж, восстановит там прежнее господство солдат. Бланки сам сделался командиром одного из батальонов национальной гвардии, он внимательно следит за всеми перипетиями обороны Парижа и пишет страстные обличительные статьи по поводу военных промахов обороны. «Нужно вооружить все мужское население Парижа,—пишет он в своей газете,—нужно заготовлять оружие, укрепить позицию, вооружить провинцию, нужно приложить всю энергию, чтобы отразить врага»... «Пусть тревожные сигналы напоминают населению, что отечество в опасности; пусть Париж проснется и поголовно встанет на свою защиту».

Каждый вечер Бланки в революционном клубе и с трибуны призывает народ к организации обороны, а утром—он сам на укреплениях и везде вносит свою инициативу, везде борется с инертностью и бездеятельностью военного начальства Парижа. Но скоро старому революционеру, всегда не доверявшему буржуазии, становится ясно, что промедления делаются намеренно, что намеренно не вооружают, как следует, пролетарские батальоны. Вооружить их—значит отдать в руки рабочих свою судьбу. Рабочие опаснее всякого внешнего врага. С иноземными солдатами они столкуются, и, в случае необхо-

димости, продадут им часть своей страны, только бы они помогли им справиться с собственным пролетариатом. Правительство симулирует оборону, а на самом деле, без ведома народа, заводит разговоры с пруссаками. В то время, как Жюль Фавр, в пышных речах к парижскому населению, говорит: «ни одной пяди нашей земли, ни одного камня из наших крепостей!»—он уже торгуется с Бисмарком об этой земле и об этих крепостях. А Трошю с самого начала заявляет парижским мэрам, что «защищаться было бы безумием». И тот же самый Жюль Фавр признается в своих письмах к Гамбетте, что он защищался не от пруссаков, а от парижских рабочих.

Смутные вести о новых поражениях доносятся до парижан, и у Бланки скоро открываются глаза. 1-го октября он уже пишет: «Париж никогда не защищался, не защищается и не будет защищаться. В пруссаках видят средство борьбы против революционеров». Он уже окончательно не доверяет правительству и присоединяется к требованию членов интернационала немедленно назначить выборы в парижскую коммуну.

С этого момента общим лозунгом парижского пролетариата становятся выборы в коммуну,—по образцу коммуны 1792 г. Этот лозунг слышится теперь во всех революционных клубах, с этим лозунгом толпы пролетариата подступают к городской ратуше. Бланки пишет громовую статью против временного правительства «Божественное право», где он указывает, что всякое правительство, которое не ставит себя под контроль народа, предъявляет свои права на наследие божественного права. Такое правительство не достойно доверия народа и, несмотря на оказанные им вчера услуги, может быть снесено, как гибельное препятствие на пути к народному благу. Правительство ответило на это инсинуациями на революционеров, обвиняя их в сношениях с внешним врагом, с пруссаками,—обычными инсинуациями всех правительств на всех революционеров мира. Бланки был устранен от командования батальоном, часть пролетарских батальонов была распущена. И, наконец, утром 31-го октября получается известие о занятии пруссаками деревеньки Бурже,

находящейся около Парижа, известие о капитуляции Меца и всей армии Базена и известие о том, что Тьер начал мирные переговоры с пруссаками. Парижане потеряли терпение.

В тот же день, в 11 часов утра, тысячи народа со знаменами, на которых было написано: «Долой перемирие!» хлынули к ратуше. На ступеньках ратуши появился Трошю; он пытается оправдать себя перед народом. Но толпы встретили его криками: «Долой Трошю! Да здравствует коммуна! Война до последней крайности!» Толпой руководили бланкисты, сам Бланки явился позднее. Один из горячих сторонников Бланки, Густав Флуранс, с своим батальоном стрелков занимает ратушу, и временное правительство оказывается в плену. На этот раз оно уже обещает произвести муниципальные выборы. Но один из делегатов центрального комитета вскакивает на стол и провозглашает низложение временного правительства; новое правительство назначается из среды революционеров. Но как только по Парижу разнеслась весть о новом, революционном, составе временного правительства, реакционные батальоны национальной гвардии вступили в ратушу, вывели из нее Трошю и Ферри и попытались вытащить оттуда Бланки, осыпая его ударами, пока его не освободили вольные стрелки Флуранса. Происходит страшный беспорядок. Наконец, у временного правительства удается вынудить торжественное обещание передать захваченную ими власть коммунальному собранию. Назначается комиссия для производства муниципальных выборов, и успокоенные революционные батальоны расходятся по своим домам. Дориан и Шельхер готовят прокламацию о выборах, а Бланки подписывает ряд декретов, касающихся обороны Парижа. В ратуше остается только несколько сот невооруженных людей да стрелки Флуранса.

Вдруг в три часа утра раздается барабанный бой. Это бретонские мобили Трошю идут на помощь старому правительству. Они врываются в ратушу, обезоруживают стрелков и освобождают правительство. Но все оканчивается мирно. Генерал Тамизье, начальник национальной гвардии, помнит данное народу обещание и, в знак прими-

рения с революционерами, под руку с Бланки выходит из ратуши между двойным рядом мобильной гвардии. За ними следуют и все остальные участники восстания.

На другой день по всем улицам Парижа была расклеена прокламация мэров о назначении коммунальных выборов, а к ней приклеена другая прокламация Жюля Фавра об отсрочке этих выборов. Данное слово было нарушено на другой же день, когда члены временного правительства почувствовали себя под охраной солдатских штыков, а чтобы укрепить свою власть, оно обратилось с плебисцитом к парижскому населению, которое значительным большинством голосов и признало его полномочия. Временное правительство не остановилось на этом. Оно не захотело подвергаться опасности видеть еще раз свою судьбу в руках революционеров и отдало приказ об аресте руководителей восстания 31-го октября. Против Бланки было возбуждено преследование, но его не арестовали. Он остается тут же в Париже, поселившись у одного из своих друзей опять под вымышленным именем. Но он и тут не складывает своих рук. Все вечера он проводит в клубе, критикуя действия правительства, и каждое утро неутомимый старик продолжает писать полные огня статьи в своей газете, продолжает агитировать и раскрывать глаза народу на истинное положение дел. Он клеймит правительство за то, что оно не сдержало своего слова и заклинает народ ответить «нет» на запрос правительства. Но народ еще не потерял всех своих иллюзий и серьезно продолжал еще верить, что эта кучка интриганов, в самом деле, может позаботиться о его благе. Бланки в горячих и резких выражениях обрушивается на парижан, которые, подавая голос за правительство, предают республику, предают французские провинции и готовы отдать даже всю Францию, если этого потребует Бисмарк, за спокойную и сытую жизнь. Он сдергивает маску с временного правительства и указывает, что под покровом войны внешней ведется война внутренняя,—война буржуазии с пролетариатом. Буржуазия хочет во что бы то ни стало сохранить свою колеблющуюся власть и примет какой угодно позорный мир, только бы он гаран-

тировал ей ее господство. Переговоры о мире были прерваны после 31-го октября, как того требовал народ, но оборона Парижа попрежнему велась вяло и неумело. Бланки продолжает настаивать на войне и указывает недостатки военной организации Парижа, резко нападает на тех французов, которые ради выгоды продавали немцам провиант, и чутко отзывается на все вопросы политической и общественной жизни. Его горячие воззвания не дают замереть революционному духу в парижском населении. И вдруг эта трибуна исчезает для Бланки. 8-го декабря его газета «Отечество в опасности» прекращает свое существование на 89-ом номере, благодаря недостатку средств.

Для Бланки наступили тяжелые дни. Он не мог уже больше печатно отзываться на события. А события развертывались все мрачнее и мрачнее. Пришла зима, а с ней усилились и все ужасы осады. Наступил холод, голод, дети умирали, как мухи; бессмысленные вылазки уносили сотни людей. В конце декабря произошла бомбардировка фортов, а в начале января—бомбардировка самого города, и впереди никакой надежды, власть в руках все тех же неспособных генералов, чувствующих невыразимый страх перед пролетариатом. Все шло так, как и предсказывал раньше Бланки в своей газете.

22-го января Бланки принимает участие еще в одном нападении на городскую ратушу. Толпы народа снова явились требовать смещения правительства и учреждения коммуны. Им ответили ружейным огнем. Бланки, прислонившись к стене, с грустью смотрел, как отступали инсургенты, оставляя на площади перед ратушей тела своих убитых и раненых товарищей. Результатом этого нападения было закрытие правительством всех революционных клубов и многочисленные аресты.

Шесть дней спустя, Париж капитулировал. На 8 февраля были назначены выборы в национальное собрание.

XX.

„Последнее слово“ Бланки и его арест.

Орошенная кровью народа почва даст еще больший революционный урожай. Идея Парижа подымется с его дымящихся развалин, и руками сыновей ныне умерщвляемых коммунаров зажжет такой пожар, которого не потушить никакому Тьеру!

Э. Лиссагарэ.

Старого революционера ждал еще целый ряд горьких испытаний. Париж, где он с таким самоотвержением работал все время осады, где он неусыпно стоял на страже интересов пролетариата и в своих блестящих и пылких статьях и памфлетах безусловно верно оценивал положение дел,—этот страстно любимый им Париж не оказал ему доверия. Даже центральный комитет двадцати округов Парижа вычеркнул его имя из списка кандидатов, несмотря на все заступничество Вальяна. Когда друзья сообщили ему об этом, крупная слеза скатилась с ресниц старца. Эта железная натура, несмотря на все удары судьбы, не знала слез со времени смерти своей жены. Выставив все-таки свою кандидатуру, Бланки получил только 52.000 голосов. Список парижских депутатов представлял собой все оттенки республиканцев, до самых буржуазных элементов.

Тогда старец-революционер, не имея ни газеты, ни трибуны, чтобы говорить народу, осужденный, благодаря этому, на молчание и политическое забвение, снова бе-

рет в руки перо и пишет листок, озаглавленный им «Последнее слово» (Un dernier mot). Он пишет свое последнее слово к народу. Больной, измученный старик не мог думать, что много лет спустя жизнь поставит его еще раз на открытую трибуну перед массами возрожденного пролетариата. В своем последним слове он излагает весь ход осады Парижа, указывает все ошибки, сделанные правительством национальной обороны, и затем рисует, как должно быть сделано, какие меры должны были быть предприняты, чтобы не ввергнуть Францию в те бедствия и не довести ее до того падения, которое она теперь переживает.

В конце своего памфлета старый ветеран и участник всех революций и народных восстаний Франции XIX века торжественно обвиняет правительство национальной обороны в измене против Франции и в посягательстве на самое суещствование нации.

Это было его последним словом Парижу. После этого он, вместе с своим другом Триданом, уехал в Бордо, где в то время заседало национальное собрание. Там он увидел то, что казалось ему давно похороненным историей. Шайка закоренелых помещиков-феодалов и черных клерикалов эпохи реставрации оскорбляла там седого Гарибальди и освистывала всякого, произносившего слово «республика». Регулярные войска на службе у собрания разгоняли толпившихся у палаты республиканцев. Перед глазами больного старца был позор поражения, позор торжествующей реакции; он видел гибель республики, за которую с таким мужеством боролся Париж.

Ко всему этому открывшееся заседание военного суда разбирало теперь дело восстания 31-го октября. 9-го марта Флуранс и Бланки заочно были приговорены к смерти. Буржуазия, в своей неумолимой мести непреклонному революционеру, хотела отнять у 65-летнего старца оставшиеся у него немногие минуты жизни.

Но и в эти тяжелые дни мысли Бланки, отвергнутого своим любимым Парижем, преследуемого смертным приговором военного трибунала, всецело заняты спасением

республики. Совершенно больной, он поехал отдохнуть немного к своей сестре и сразу слег в постель, заболев тяжелой формой острого бронхита.

17-го марта, накануне того дня, когда, по выражению Поля Луи, последователи вечного инсургента «подхватили знамя, на мгновение выпавшее из его рук», и сумели удержать его на некоторое время, Бланки, больной, был взят с постели и перевезен в Кагорскую тюрьму. Снова железные решетки, серые тюремные стены, грохот замков и окрики часовых. На этот раз Бланки буквально отделен от всего живого, всякие сношения с ним абсолютно запрещены, место его заключения неизвестно. Сестре не дают с ним свидания, не говоряг даже, жив он или умер. Никаких вестей не доходит до него, никто не является даже к нему с обвинительным актом.

Только на другой день, после его ареста, прокурор сообщил ему, что в Париже восстание, что правительство и войска бежали в Версаль. Как должно было забиться сердце старого революционера! Опять восстание! Неужели оно опять будет неудачно? Он уже пережил столько восстаний... что будет дальше? Народ придет освободить его? Где его друзья? Но угрюмые стены проклятой тюрьмы молчат, все кругом мертво,—ни слова, ни звука жизни не доходит до вечного узника. Что должен был он пережить за эти месяцы гробового молчания своей могилы?! В то время, как в Париже осуществляется его заветная мечта, которой он посвятил всю свою, полную страданий, жизнь; в то время, как победивший пролетариат Парижа свободно и радостно празднует свое освобождение и уполномоченный им центральный комитет об'являет населению Франции: «Пролетарии Парижа среди измен и обманов правящих классов поняли, что пришел для них час спасти свое положение и взять самим в руки управление делами; они поняли, что их долг и право сделаться господами своей судьбы, завладев правительственной властью»,—в эти дни нарождения нового мира седовласый инсургент слышит только роковой звон ключей да мерные шаги часового. Отвергнутый кандидат в представители народа, он не знает, что

имя его красуется теперь в списках членов коммуны. Народ не забыл своего вождя и выбрал его от двух округов. До стен его темницы не доходит также и весть о том, что друзья разыскивают его, что они стараются всеми средствами спасти его, что Париж отдает за своего вождя кровожадному Тьеру всех своих заложников с епископом Дарбуа во главе. «Отдать мятежникам Бланки— это все равно, что послать им целый полк войска», отвечает этот «виртуоз вероломства и измены». Не скоро дошла до него также весть и о разгроме коммуны, о варварском избиении пролетариев Парижа; до него не долетел грохот орудий и запах крови и трупов, покрывавших улицы Парижа.

XXI.

Бланки в крепости Торо и его астрономические труды.

Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

17-го мая Бланки, наконец, разрешили свидание с сестрой. Но это было только затем, чтобы проститься перед его отправкой в крепость. 22-го мая утром его увозят из Когорской тюрьмы, ни слова не говоря ему куда,—в другую тюрьму, в крепость, на казнь?.. Железная натура старого революционера привыкла ко всяким испытаниям, и ни одного вопроса не сорвалось с его губ, ни один мускул не дрогнул на его лице. Были предприняты всевозможные предосторожности при переезде Бланки. Другой, такой же древний старец, с которым Бланки вместе боролся когда-то против режима старой монархии, кровожадный диктатор Франции, Тьер, хорошо знал, с кем он имеет дело. После ареста Бланки он заявил в парламенте: «теперь в наших руках самый опасный злодей». Он знал, что друзья и сторонники Бланки принимают все меры к его освобождению, и хорошо понимал, что выпустить из рук человека, одно имя которого является лозунгом для революции, значит—дать этой революции возможность найти новые силы для борьбы с шайкой интриганов и эксплуататоров.

Но Бланки хорошо знает Францию, он видит, что его везут по Британи. Слух о проезде опасного революционера распространился все-таки по окрестности и во время остановок толпы крестьян сбегались к поезду взгля-

нуть на страшного безбожника. Наивные бретанцы, находившиеся еще в полной зависимости от своих помещиков и попов, враждебными криками и полными ненависти взглядами провожали маленького, тихого и больного старика.

Наконец, ночью Бланки сажают в лодку в сопровождении стражи и везут морем. Холодный морской ветер пронизывает старика. Через два часа пути среди темных волн моря блеснул огонек, и пленник увидел, что они под'езжают к скалистому острову. Он узнал крепость Торо. Приехавших встречает возглас часовых: «кто идет?» Гремит под'емный мост, и каменный мешок снова закрылся для старого ветерана.

Крепость Торо была выстроена в 17-м веке для защиты от англичан, но скоро короли Франции и ее обратили в государственную тюрьму. Для Бланки здесь были сделаны особые приготовления. 25 вооруженных солдат, с офицером во главе, охраняли узника; с моря его сторожило военное судно. Ни одной лодке не позволялось подплывать близко к крепости: на нее тотчас же направлялись ружья часовых. На другой день по прибытии Бланки ему об'явили, что при малейшей попытке к бегству в него будут стрелять. Для прогулки его выводили на одну из открытых площадок, среди вооруженных солдат, с саблями наголо. Подходить к парапету и смотреть в море ему не разрешалось. Бланки понял, что от него хотят отделаться, воспользовавшись малейшим предлогом. Местом заключения служил ему теперь полутемный, сырой каземат, куда никогда не заглядывал солнечный луч. Единственное окно его, загороженное решеткой, выходило на крепостной двор, где стояли пушки. Так стерегла буржуазия своего непримиримого врага, так трепетала она перед всяким проявлением его могучего, революционного духа, живущего в маленьком, дряхлом теле седого старика. Имя его не упоминалось в крепости. Окрестное население так и прозвало его «Узником крепости». Казалось, что буржуазия хоронила в этой могиле на скалистом острове самою революцию.

Больного старика страшно мучил беспрерывный шум в крепости, концентрировавшийся под сводом его каземата и не дававший ему покоя ни днем, ни ночью. Раздающиеся каждые полчаса возгласы: кто идет? обходы тюремщиков, ночные патрули, грохот залпов и, наконец, пение крепостных солдат мешали ему и спать, и думать. Он вызвал к себе начальника и высказал ему свой протест по этому поводу. «Во всех тюрьмах и крепостях, по крайней мере, тихо,—говорил он,—есть возможность спать спокойно».—«Здесь не тюрьма,—ответил начальник,—здесь казарма; не могу же я запретить солдатам петь со скуки?»—«Казарма! Да разве в казарме держат политических заключенных? Ваша казарма—старая крепость Людовика XIV, стоящая вне всяких законов. Меня привезли сюда тайно, ночью, и я совершенно не знаю своего положения».—«Ваше положение очень просто; вы—военнопленный».

И так, день за днем, среди голого камня, среди солдат с обнаженными саблями, близилась к закату жизнь этого философа революции. Но пытливый ум его все еще живет и требует себе работы. Бланки прислушивается к шуму моря, изучает его приливы и отливы, наблюдает движения небесных светил во время прогулок. Он не замечает больше своих сторожей, и весь отдается созерцанию небесного свода, игры облаков и блеска небесных светил. Спустившись в свой каземат, он записывает свои наблюдения, размышляет и пишет большое астрономическое сочинение: «Вечность по звездам» (Eternité par les astres), в котором излагает свою гипотезу о движении комет и туманных пятен. У него нет никаких инструментов для наблюдения, нет книг,—он их заменяет силой своей мысли и наблюдения. Своим революционным духом он угадывает, что движение является истинной причиной существования вселенной, что жизнь ее есть постоянное разрушение и созидание. Вечны только основные элементы материи, из которых создана вся вселенная, как это показал спектральный анализ; все же формы ее временны и переходящи. Но число комбинаций этих элементов должно быть ограниченным, хотя оно

может быть и невероятно громадным. Конечное, число комбинаций должно населить бесконечность,—понятно, что эти основные комбинации или, лучше сказать, типы комбинаций должны повторяться. Одни и те же движения вызывают те же условия теплоты, света, плотности, и когда-нибудь должна повториться раз уже бывшая комбинация. Небесные светила зажигаются, горят, затем погасают, и через миллиарды лет вновь зажигаются и горят с прежней яркостью. И земной шар представляет собой один из таких типов комбинаций, населяющих бесконечное пространство. И вся жизнь земного шара должна повторяться в бесконечном времени и пространстве. Повторяются с неумолимой необходимостью и все типы людей, живущих на земле. Все, чем человек только мог быть в течение своей жизни, повторится через миллиарды лет на двойнике нашего земного шара: и сам человек является буквальным повторением жившего когда-то раньше на двойнике земного шара существа. «Что я пишу теперь в эту минуту,—говорит Бланки в своей книге,—в каземате крепости Торо, я уже писал и буду писать в вечности на том же столе, тем же пером, в том же платье и в точно таких же обстоятельствах». У этого непреклонного духом революционера хватило мужества увековечить таким образом и свою тюрьму, и свои страдания, и свою долгую, упорную борьбу с деспотизмом и насилием.

Те же самые повторения видит он и на других планетах, и на звездах, во всей вселенной. Вселенная бесконечно повторяется.

Великий старец живет сполна во власти своих мыслей. Он машинально повинуется требованиям своих тюремщиков и не замечает ни серых сырых стен своего каземата, ни грохота замков, ни обнаженных шашек. Он весь охвачен своей идеей и при свете маленькой лампочки, склонясь над своими писаниями, проводит чудные минуты.

XXII.

Военный суд и годы заключения в Клервосской тюрьме.

Дело справедливости, порядка, цивилизации и гумманности победило.

Тьер в национальном собрании 22 мая 1871 г.

Но вот однажды ночью Бланки увозят из крепости. Пять с половиной месяцев провел он в своем каземате в полном одиночестве. Теперь его привезли в Версаль и поместили в городскую тюрьму. Здесь он снова должен предстать перед судом, перед одним из знаменитых версальских судов. Это был 4-й военный суд, первое заседание которого происходило 15-го февраля 1872 года. За это время своего пребывания в версальской тюрьме Бланки удалось напечатать свой астрономический труд «Вечность по звездам» и представить в академию наук свой мемуар о зоадикальном свете. Он мог также видеть здесь через железные решетки, и всегда в присутствии сторожа, своих сестер.

Но вот он и на суде, древний старец, бледный той могильной бледностью, какая приобретается только в сырых и темных казематах. Одни только глаза, горящие фосфорическим блеском, говорят о той неукротимой энергии жизни, какой еще полон старый борец. Страдания не поколебали его духа и не погасили в нем революционного пламени. Зал суда был переполнен публикой, сбежавшейся посмотреть на легендарного революционера, но Бланки даже и не взглянул на этих победителей па-

рижского пролетариата. Вначале следуют обычные вопросы:

— Обвиняемый, как вас зовут?

— Луи-Огюст Бланки.

— Сколько вам лет?

— 67.

— Где ваше местожительство?

— У меня нет другого, кроме тюрьмы,—и т. д.

Затем идет вторичное разбирательство дела 31-го октября, по которому он уже осужден. Бывший член временного правительства Дориан утверждает, что 31-го октября между членами временного правительства и вождями восстания состоялось соглашение и что по этому соглашению никто не должен был преследоваться за свое участие в восстании. То же подтверждает и бывший префект полиции. Но военный суд не обратил внимания на эти свидетельства,—он ведь судил не поступок, а личность Бланки. Так это и понял сам Бланки и высказал эту мысль в своей коротенькой заключительной речи.

«Мне нечего прибавить к моей защите, после слов моего адвоката,—сказал он,—я только хочу установить тот факт, что я здесь не за 31-е октября. Это наименьшее из моих преступлений. Я представляю собой здесь самою республику, которую монархия привлекла к решетке вашего трибунала. Господин комиссар осудил сейчас революцию 1789 г., революции 1830, 1848 г.г. и революцию 4-го сентября. Меня здесь судят во имя монархических идей, во имя старого порядка, вопреки установившемуся новому, как он сам выразился».

Бланки, действительно, был осужден и приговорен к вечной ссылке на поселение с лишением прав. Приговор этот был кассирован за формальную неправильность. Назначено было новое разбирательство, но 6-й военный суд подтвердил его. Разгромившая коммуну буржуазия имела одно мнение насчет Бланки. Его хотели отправить в новую Каледонию, но врачи высказались, что он не перенесет этого путешествия, и его отправили в исправительную тюрьму в Клерво.

Клервосская тюрьма была устроена в старинном аббатстве XII века. Это было огромное заведение, в котором содержалось больше 2.000 заключенных, занимавшихся здесь различными ремеслами. Кроме Бланки, сюда привезли еще 140 коммунаров, но старого революционера поместили совершенно отдельно, в крохотной камере, где обыкновенно держали заключенных не больше нескольких дней в наказанье за какой-нибудь дисциплинарный проступок. Бланки провел в этой каморке целых восемь месяцев. Он страшно страдал от холода зимой, а между тем на все просьбы его сестер позволить им поставить у него печку, правительство отвечало отказом. От них не принимали также и те съестные припасы, к которым привык старик, а держали его на тюремной пище.

Наконец, его стойкий организм не выдержал всех лишений, и он заболел настолько серьезно, что когда в феврале 1873 года поднялся опять вопрос об его ссылке в Каледонию, доктора констатировали у него оссификацию сердечных клапанов и такое ослабление сердечной деятельности, что он каждую минуту мог умереть. Пришлось даже поставить его в лучшие условия. Его перевели в больничную палату, очень обширную, но расположенную как раз под часовней, где отпевали покойников, что тяжело действовало на больного старика. Здесь ему разрешили иметь и печь и фрукты, и даже какую-то незначительную газетку, по которой он до некоторой степени мог следить за политической жизнью Франции. Но одиночество томило теперь умирающего старика. Во всех своих письмах к сестрам и на консультациях врачей он жалуется на одиночество. Он был попрежнему абсолютно изолирован от всех своих товарищей по заключению; его держали, точно опасного зверя, в клетке, и он с грустью вспоминал те годы, когда и в тюремных стенах у него были друзья и товарищи. Куда они все делись? Многие умерли, другие—в ссылке, в изгнании... Париж представлял собой теперь вырубленный лес, где беспощадно подавлялось всякое движение революционной мысли, где свирепствовали военные суды, продолжавшие-

ся вплоть до 1876 года. В те дни, когда старик чувствовал себя лучше, он продолжал упорно работать умственно, писал научные заметки, следил по «Revue scientifique» за развитием науки, интересовался военным искусством.

1877 год был самым тяжелым для его здоровья. Страшные сердечные припадки не давали ему дышать, ноги опухли, легкие заливались кровью, врачи констатировали отек сердца. Он совершенно не мог вставать с постели и проводил бессонные ночи. Ко всему этому присоединилась еще тяжелая анемия. Ждали, что он каждый день может умереть. В газетах уже несколько раз появлялись известия об его смерти. Директор клервосской тюрьмы завел переговоры с министром внутренних дел, как ему поступить, если родственники потребуют его тело,—выдача его может повести к нежелательным демонстрациям. Министр ответил, что тело его следует выдать, но надо принять меры, чтобы демонстраций не было.

XXIII.

Оживление политической жизни во Франции.

Под красным знаменем борцов
Уж подымаются все страны.

Между тем среди вырубленного леса парижского пролетариата уже начинает подниматься новая, молодая поросль, вырастающая более правильными и более стройными рядами. Когда, вслед за разгромом парижской коммуны, был уничтожен весь цвет французского пролетариата и наступила эпоха военных судов, во Франции, несмотря на ее звание республики, воцарился самый реакционный и клерикальный режим, какого давно уже не знала эта страна. Политическая власть в стране перешла к крупным землевладельцам и промышленникам. Но мало-по-малу, когда стерлись роковые следы франко-прусской войны и разгрома Парижа, оправилась сначала средняя буржуазия. Жизнь залечивает самые тяжелые раны. Внешний мир способствовал новому под'ему торговли и промышленности, торговые обороты страны сильно увеличились, и средняя буржуазия вступила в борьбу с аграриями, требуя и себе тоже участия в управлении страной. Она не может мириться с клерикальной и монархической республикой и, пользуясь поддержкой мелкой буржуазии, завоевывает более демократические формы правления: результатом этой победы демократии является и пробуждение рабочего класса, тоже несколько оправившегося от своего поражения.

Первой из революционных партий встала на ноги бланкистская партия. Оставшиеся в живых вожди ее бежали

после разгрома коммуны в Лондон, спасаясь от преследования правительства, и об'единились там в сплоченную группу под названием «Революционная коммуна». Они выпустили манифест, в котором изложили свою программу. В этом манифесте они обращают большое внимание на борьбу с религиозными предрассудками и об'являют себя атеистами. Затем они принимают за основу своей программы «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и называют себя коммунистами в этом же духе. В тактике же их чувствуется еще старое, революционное направление, они не считаются с развитием экономических и социальных условий и заявляют: «Мы—коммунисты, потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые отдаляют день победы и удлиняют период рабства». И, в-третьих, они об'являют себя революционерами. В этой части своей программы они высказывают свое поклонение погибшей коммуне и берут на себя ответственность за все совершенные ею акты насилия.

В своей критике этой программы Энгельс все-таки считает ее большим шагом вперед, так как «это первый манифест,—говорит он,—в котором французские рабочие об'являют себя сторонниками современного немецкого коммунизма».

В 1876 году выступили прудоновские мютюэлисты, созвав в Париже рабочий конгресс, который совсем уже не носил социалистического характера, а проводил только чисто трэд-юнионистические тенденции. Лондонские бланкисты в ответ на это издали брошюру «Синдикаты и конгресс», где они раскрывали все бессилие узко-профессионального движения. Благодаря тому, что конгресс этот стоял совершенно вне политики, правительство не предприняло никаких особенных репрессий против него. Но выступление мютюэлистов все-таки имело значительное влияние на рабочих, так как оно снова об'единило широкие слои пролетариата и подготовило почву для социалистической пропаганды. Затем возникла и социалистическая рабочая партия, выступившая в 1879 году

на марсельском конгрессе с своей резолюцией обобществления средств производства. Благодаря организаторскому и пропагандистскому таланту даровитого Жюля Геда, партия эта все более и более одерживает победу над мютюэлистами, с которыми она упорно боролась. В 1880 г. в Париже была принята ее программа, выработанная Гедом и Лафаргом в сотрудничестве с Марксом и Энгельсом. Этой программой она окончательно присоединяется к интернациональному, социал-демократическому течению, охватившему все страны Европы. Своим основным принципом классовой борьбы, который, впрочем, приняли и бланкисты, она примыкает к мютюэлистам и находит себе плодотворную почву в их рабочих организациях. А в признании необходимости захвата политической власти она сошлась с бланкистами, выставив только на место диктатуры, вождей тайных обществ диктатуру пролетариата, — принцип, вполне отвечающий широкому развитию рабочего класса и его новой роли в политической жизни всех стран. Долгое время эти течения шли параллельно, упорно придерживаясь своих особенностей, и только в последние годы они слились в одну социалистическую рабочую партию.

XXIV.

Освобождение и последние годы жизни Бланки

Безумству храбрых поем мы славу!
Безумство храбрых—вот мудрость жизни!
О, смелый сокол! В бою с врагами
Истек ты кровью... Но будет время,
И капли крови твоей горячей,
Как искры, вспыхнут во мраке жизни,
И много смелых сердец зажгут
Безумной жаждой свободы, света...

По мере того, как оживало рабочее движение, общественное мнение складывалось в пользу амнистии томящихся в тюрьмах и ссылках коммунаров. Народ не забыл своих борцов, и перед генеральными выборами в палату, амнистия всюду была включена в демократическую программу. Радикальным депутатам нужны были голоса, чтобы стать у кормила правления, вместо монархистов и клерикалов, и они обещались требовать полной и всеобщей амнистии политических заключенных. Те же радикалы, которые когда-то вместе с Тьером боролись против коммуны, готовы были теперь защищать амнистию для коммунаров, потому что этого от них определенно требовал народ, давший им свои мандаты.

Но как они защищали ее? В этом они вполне походили на либералов всех стран, мотивирующих свою защиту революционеров тем, что они безвредны для существующего строя. «Многие совершенно ошибаются относительно характера этой революции,—говорит один депутат,—многие видят в этом движении социальную ре-

волюцию, меж тем, как на самом деле это были только первые конвульсии, припадок лихорадки». Другой либерал назвал коммуну «достойной презрения». Реакционеры правильнее смотрели на дело. «Нет, господа,—заявил либералам министр Мак-Макона Дюфор,—это было не просто коммунальное движение: по своим идеям, намерениям и даже по своим действиям это была самая радикальная революция, какая только совершалась когда-либо во всем мире».

Вопрос об амнистии был решен отрицательно.

Но движение не остановилось на этом. Оно развивалось все дальше. Рабочие и учащаяся молодежь устраивали манифестации в пользу амнистии, они требовали освобождения своих борцов, завоевавших для них республиканские формы жизни. Имя Бланки, этого вечного узника, мужественно и непоколебимо боровшегося всю жизнь и являющегося как бы искупительной жертвой республиканской идеи,—у всех на устах. В мрачную тюремную келью вечного узника долетают туманные слухи о происходящем движении, и точно каким-то чудом старик понемногу оправляется от своей смертельной болезни, как бы для того только, чтобы видеть победоносное шествие своей идеи, за которую ему пришлось столько пострадать. Имя Бланки является теперь лозунгом передовых слоев рабочих. В начале 1878 года Марсель демонстративно выставляет его кандидатуру на выборах; на собраниях рабочих и революционной молодежи он выбирается почетным президентом. Затем его кандидатура ставится и в одном из округов Парижа. Правительство опротестовывает ее, так как Бланки лишен гражданских прав, но тем не менее он получает 618 голосов. Его выбирают тоже почетным президентом на республиканских праздниках: на банкете, в память взятия Бастилии и в память основания республики. Узнику чудится, то могучий голос народа зовет его теперь, и в нем прибывает поток жизненных сил, он выздоравливает, он опять готов на борьбу, он уже успел разобраться в политических партиях, и он в курсе избирательной борьбы во Франции.

С самого начала 1879 года вопрос об освобождении Бланки всюду на очереди; даже либеральные журналы решились, наконец, прервать молчание и принялись доказывать незаконность его приговора. Из всех крупных городов отправляются петиции правительству. Бланки особенно тронул адрес, присланный ему от Ниццы. Он пишет своей младшей сестре: «Скажи им, как глубоко тронули меня их слова, долетевшие ко мне из страны моего детства в мою тюремную камеру. В моем сердце всегда живет воспоминание об этой чудной стране, и я часто переношусь мыслью в ее живописные горы, она всегда была для меня ярким светочем в течение сорока лет, проведенных мною в могиле».

Наконец, кандидатура Бланки была принята в Бордо, и политические изгнанники шлют с чужбины горячие пожелания, чтобы он был избран. Гарибальди пишет из Рима, что он вручает избирателям судьбу «героя-мученика за человеческую свободу». Если Бланки будет выбран депутатом, то его, как представителя народа, нельзя будет держать в тюрьме.

Бланки избран, но ему еще предстоит перебаллотировка. В палате требуют его освобождения, чтобы он мог явиться к избирателям со своей программой. Но в глазах правительства он попрежнему лишенный прав и не может быть депутатом. Палата отказывает. Но 10-го июня амнистия вотируется; и узнику предстоит перед смертью еще раз увидеть свободу.

Старшая сестра его, поселившись напротив тюрьмы, уже около двух недель ожидала желанной депеши. Она получилась в десять часов вечера, и семидесятишестилетняя старуха немедленно спешит в тюрьму за своим младшим братом. Бланки уже готов к от'езду. Ночью же они уезжают в Париж. Здесь все его хотят видеть. Клемансо, Девиль, Готье приходят навестить старика. Но через несколько дней Бланки уже едет в Бордо поддерживать свою кандидатуру. На вокзале его встречают толпы народа; на него смотрят, как на воскресшего из мертвых, каждый хочет прикоснуться к нему, женщины указывают на него детям, чтобы в их памяти остался

образ великого старца. Комната его все время полна народа. На выборах, однако, кандидатура его не прошла, потому что противная сторона пустила в ход все сплетни, потревожила все старые тени и оттолкнула колеблющиеся голоса от Бланки. Ему не хватило 150 голосов.

С этого времени для Бланки начинается жизнь, полная шума и впечатлений. Он переезжает из города в город и всюду присутствует на собраниях, на банкетах, говорит речи, как будто он хочет вложить в те немногие дни, которые ему еще оставались, все те многие годы, которые отняли у него люди, похоронив его в казематах своих крепостей.

В сентябре его встретили бурными овациями в Марселе, в том городе, который первый решился выставить его кандидатуру. Толпы народа запрудили все улицы, ведущие к вокзалу, и когда в дверях показалась его седая голова с тонкими чертами лица и горящими юношеским блеском глазами, вся эта толпа с громкими криками приветствия, бросилась к нему. Его обнимают, жмут ему руку и на руках несут в карету, карета засыпана цветами; отпрягают лошадей, хотят везти его на себе, но старик решительно протестует против этого, и карета шагом едет до гостиницы. Там он с балкона обращается к толпе, благодарит ее за внимание и участие к нему и кончает возгласом: «Да здравствует республика!» Смолкшая во время его речи толпа опять потрясает воздух своими кликами. Растроганный старик не может больше говорить, глаза его затуманились. Как поздно пришло это сочувствие, это понимание толпы, которого он так жаждал всю свою жизнь!

После Марселя он посетил еще несколько городов, и всюду его встречали овациями, всюду толпы народа стекались на его пути. Но эти праздники и овации отнюдь не занимали всех его мыслей. Вернувшись в Париж, он пишет в социалистическую организацию Безьера: «Я буду очень счастлив поговорить с вами о делах республики и особенно о средствах положить конец нищете и угнетению тех граждан, которые всегда

только сеют, и никогда не пожинают, которые производят до изнеможения сил и не потребляют. Что мне сказать по этому поводу, граждане? Только одно. Вопрос социальный можно серьезно обсуждать и проводить в жизнь только после самого решительного и энергичного разрешения политического вопроса и через него. Действовать иначе—это все равно, что поставить плуг впереди быков. Раз уже попробовали сделать так, и вопрос социальный был отброшен на целые двадцать лет. Между тем он был поставлен очень ясно и открыто, по крайней мере, в пятидесяти программах, изложенных полно и подробно. Все исчезло в вихре, поднятом исполнительной властью, которую нужно было сначала низвергнуть, чтобы действовать на свободе. Пусть этот кровавый урок прошлого послужит на пользу нам. Не будем же повторять опять тех же ошибок».

В Париже Бланки шел всюду, куда его только звали, на все собрания и митинги, председательствовал, говорил. Обыкновенно он затрогивал три свои любимые темы: армию, церковь и буржуазию. Маленький, одетый весь в черное, попрежнему в черных перчатках, с непроницаемым выражением лица, появлялся он на трибуне, и когда раздавался его высокий, теперь уже разбитый голос, все моментально смолкало. Теперь для него была открыта трибуна, свобода печати, и старый революционер не думал больше о заговорах. Теперь есть возможность действовать открыто—пропагандой, агитацией и организацией рабочих масс. То, о чем он едва мог мечтать, осуществилось на деле. Почти каждый вечер проводит он среди этих масс. В мае и июне он выставляет свою кандидатуру в Лионе и принимает участие в избирательной компании. На окончательной перебаллотировке он опять проигрывает и возвращается в Париж к своей прежней деятельности. В это время его постигает большое горе,—он теряет свою старшую сестру—самого своего преданного друга. Эта смерть сильно взволновала старика.

Только в июле 1880 г. полная амнистия вернула ему гражданские права. Осенью он, вместе с Рошфором, от-

правляется в Милан, чтобы принять участие в празднике, дающемся в честь Гарибальди. А вернувшись в Париж, он снова принимается за журналистику. На этот раз он основывает газету, под заглавием: «Ni Dieu, ni-maître» (ни Бога, ни хозяина). В ней сотрудничают теперь его друзья, работавшие с ним еще до Коммуны. Старик не может уже с прежней энергией писать ежедневно, но все-таки его статьи появляются довольно часто.

Со времени смерти сестры он поселяется у своего друга Эрнеста Гранже, когда-то командированного Коммуной для его освобождения. Он вспоминает с ним прошлое, предпринимает разные прогулки, но больше всего любит он бродить по улицам Парижа, потому что они тоже напоминают ему прошлое, дни юности, дни горячих желаний и борьбы. Поселились они в пятом этаже, что вредно отражалось на деятельности сердца старика.

В конце декабря 1880 г. Бланки пришлось много говорить на собраниях; он чувствовал себя немного утомленным. 27-го декабря он возвратился с собрания около двух часов ночи, потому что долго не мог найти извозчика. Вернувшись домой, он стал рассказывать Гранже о собрании, потом встал и произнес несколько бессвязных слов. Гранже с удивлением смотрит на него. Бланки делает шаг, потом останавливается и сразу падает на пол. Гранже поднимает его, как ребенка, кладет в постель и посылает за доктором. Прибегает его младшая сестра, но старик уже без сознания. Врач констатировал удар. Паралич быстро развивался, и вечером 1-го января великий революционер XIX столетия навеки закрыл глаза, не приходя в сознание.

Похороны его были грандиозной революционной демонстрацией. Сто тысяч народу и вся социалистическая партия провожала в могилу того, кто столько лет прожил в полном одиночестве, кто так томился от этого одиночества.

И до сих пор еще ежегодно на могиле его, в день его смерти, собираются его преданные ученики, одевают могилу свежими цветами, говорят речи и вспоминают

своего «старика». Бланки исполнил свою юношескую клятву посвятить всю свою жизнь борьбе за свободу, он ни разу не уклонился от этой возложенной им на себя задачи. Он как бы воплотил собой эту борьбу, и образ этого непреклонного революционера сделался легендарным еще при жизни. Теперь рамки жизни раздвинулись, время легендарных героев миновало, и на место одиноких борцов выдвинулись целые ряды их, стройные и сплоченные. Бланки является соединительным звеном между великой революцией и современным пролетарским, революционным движением. Он сохранил и пронес через все XIX столетие революционные традиции и передал их в надежные руки пролетариата. Могучий и организованный пролетариат явился преемником «Вечного Узника». Он взял в собственные руки управление своей судьбой и выработал ясную и определенную программу своих целей и стремлений.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие Влад. Бонч-Бруевича 5

Жизнь и деятельность Луи Огюста-Бланки.

Глава I. Происхождение Бланки 11
Глава II. Детские годы 14
Глава III. Юность Бланки и начало революционной деятельности 17
Глава IV. Июльская революция 21
Глава V. Соотношение политических сил в первую половину июльской монархии 24
Глава VI. Участие Бланки в студенческом движении 27
Глава VII. Революционное движение в первые годы июльской монархии 29
Глава VIII. Общество „Времен года“ и восстание в 1839 г. . . . 34
Глава IX. Ликвидация революционного движения 1830—40 гг. . 38
Глава X. Тюрьма св. Михаила 41
Глава XI. Неудавшаяся попытка к бегству и остальные годы заключения 45
Глава XII. Февральская революция 50
Глава XIII. Революционные клубы и борьба с ними правительства 53
Глава XIV. Взрыв 15-го мая и окончательное подавление социалистических течений второй республики 58
Глава XV. Бланки в цитадели Бель-Иль 63
Глава XVI. Последние годы заключения Бланки и начало бланкистской организации 68
Глава XVII. Бланки в С.-Пеланжи и его борьба с церковными предрассудками 71
Глава XVIII. Борьба с мютюэлистами и дело Лавилетской казармы 76
Глава XIX. Правительство национальной обороны и осада Парижа 82
Глава XX. „Последнее слово“ Бланки и его арест 88
Глава XXI. Бланки в крепости Торо и его астрономические труды 92
Глава XXII. Военный суд и годы заключения в Клервосской тюрьме 96
Глава XXIII. Оживление политической жизни во Франции . . . 100
Глава XXIV. Освобождение и последние годы жизни Бланки . . 103

Кооперативное издательство „Жизнь и Знание".
Москва, Никольская ул., д. 5.

Плакаты.

Выпускается в свет большая серия плакатов с хорошо выполненными картинами. Плакаты отпечатаны в 6 красок, наклеены на картон, красиво окантованы и подклеены цветной бумагой. Цена плаката 20 к. золотом; двойного размера—40 к. Цена больших плакатов будет указываться особо.

Надписи на плакатах следующие:

№ 1. Берегитесь пыли.
№ 2. В темном, сыром, грязном, тесном жилье гнездится чахоточная зараза.
№ 3. Чистый, сухой воздух, солнце и отдых—лучшие средства против чахотки.
№ 4. Обращайте внимание на глаза! При малейшем заболевании идите к врачу.
№ 5. Берегите детей после болезни. Укрепляйте их здоровье.
№ 6. Больные чахоткой должны спать отдельно от других.
№ 7. Дети становятся горбатыми и хромыми от туберкулеза костей и суставов. Не запускайте болезни! Ребенок может остаться калекой на всю жизнь.
№ 8. От чахотки легче себя уберечь, чем излечиться от нее.
№ 9. Душные классы портят здоровье детей.
№ 10. Вылечиться от чахотки легче в самом начале болезни.
№ 11. Приучайтесь дышать носом, закрывая рот.
№ 12. Никогда не плюйте на пол. В плевках нередко бывает зараза.
№ 13. Проветривайте чаще ваши комнаты.
№ 14. Мойте чаще детей. Грязь на теле способствует заболеванию кожи.
№ 15. Сыпной и возвратный тиф распространяются вшами. Уничтожайте вшей!
№ 16. Правильное распределение труда и отдыха предохраняет от многих заболеваний.
№ 17. В темном жилье и спертом воздухе не может быть здоровой жизни.
№ 18. Юные коммунисты залог будущего социалистической России. Вступайте в Союз Молодежи.
№ 19. Не забывайте голодных детей Поволжья. Помогите им каждый, чем может.
№ 20. Водите летом детей обнаженными до пояса и с обнаженными ногами.
№ 21. Не курите. Курильщики сами разрушают свое здоровье.
№ 22. Курить при детях—преступление.
№ 23. Работайте, играйте, спите на открытом воздухе (двойного размера).
№ 24. Здесь воспрещается курить

Кооперативное издательство „Жизнь и Знание".
Москва, Никольская ул., д. 5.

№ 25. Не сокращайте вашей жизни. Проводите побольше времени на чистом воздухе.

№ 26. Покупное молоко непременно кипятите—оно содержит заразу.

№ 27. Мойте руки перед едой.

№ 28. Не ешьте и не пейте из общей посуды.

№ 29. Не целуйте детей в губы. Не позволяйте этого делать и другим.

№ 30. Уничтожайте мух, тараканов, клопов и блох—они разносят заразу.

№ 31. Чистота лучший друг людей, злейший враг всех зараз.

№ 32. При заболевании обращайтесь к врачу как можно раньше.

№ 33. Дети, не грызите ногти—под ногтями зараза.

№ 34. Пыль содержит заразу. Вытирайте пол влажными тряпками.

№ 35. Уничтожайте крыс и мышей—они вредят хозяйству и разносят заразу.

№ 36. В гнилых зубах много заразных бактерий—лечите зубы!

№ 37. Утром и на ночь чистите зубы и полощите рот.

№ 38. Не берите в рот после другого папиросы, зубные щетки, зубочистки, гвозди, булавки и т. п. предметы—можно заразиться сифилисом.

№ 39. Не позволяйте детям, выздоравливающим от заразных болезней, быть вместе с здоровыми.

№ 40. Соблюдайте чистоту! Не бросайте на пол бумажки и окурки.

№ 41. Пейте кипяченую воду. В сырой воде зараза.

№ 42. Берегите зубы. Избегайте слишком холодной и слишком горячей пищи.

Кооперативное Издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ"
Москва, Лубянский пассаж, пом. 39. Тел. 5-04-51.

Библиотека „Туберкулез".

Книга 2-я. **Н. НАУЕН. Практическое значение иммунитета для предсказания лечения туберкулеза.** Перев. с немецк. А. И. Тогуновой и В. А. Любарского, с руководящей статьей проф. В. А. Любарского: „Современное состояние вопроса об иммунитете и иммунотерапии при туберкулезе". Цена 70 к.

Книга 3-я. **Ф. ГАМБУРГЕР. Туберкулез у детей.** Перевод с немецкого, со 2-го дополненного издания под редакцией и с дополнениями профессора А. А. Киселя. Цена 1 р. 50 коп.

Книга 5-я. **Туберкулез грудных детей.** Сборник под редакцией профессора А. А. Киселя. Цена 1 р. 50 коп.

Книга 7-я. **А. И. ЛАПШИН. Плевра и бугорчатка легких.** (К вопросу о компенсации туберкулеза легких). Цена 60 коп.

Книга 8-я. **Е. Г. ГРАНАТ. Наши дети и туберкулез.** С предисловием В. Н. Иванова. Цена 65 коп.

Книга 9-я. Проф. **Г. МУХ. Туберкулез у детей, его распознавание и лечение.** Сокращенный перевод с немецкого под редакцией и с примечаниями проф. А. А. Киселя. Цена 12 коп.

Библиотека врача.

Книга 1-я. Д-р мед. **А. П. БОНДЫРЕВ. Руководство к расспросу, об'ективному исследованию, постановке диагноза, прогноза и назначению лечения у амбулаторных больных.** Издание 2-е, исправленное и дополненное, с предисловием заслуженного профессора Н. Ф. Голубова. Цена 1 р.

Книга 2-ая. **Э. КРЕЧМЕР.** Медицинская психология. Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием В. Г. Смирнова. Цена 3 р. 75 коп.

Общедоступная библиотека.

№ 6. **А. ФОРЕЛЬ. Спиртные напитки как причина сумасшествия.** (Алкоголь и душевные расстройства). Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 5-е. Цена 5 к.

№ 20. **Е. П. РАДИН. Памятка первой помощи в школе, пионеротряде, на фронте и в тылу.** С 10 рисунками в тексте. Изд. 3-е. Цена 10 коп.

№ 34. **И. ГАУЛЕ. Как действуют спиртные напитки на человека.** Пер. с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Изд. 5-е. Ц. 10 к.

№ 41. **АДЛЕР, В. и ВУРМ, Э. Алкоголизм и рабочие.** Перевод с немецкого К. Михайловой. Издание 3-е. Цена 20 коп.

№ 42. **БОДРИЛЛАР. Приключения бутылки с вином, рассказанные ею самою.** Перевод В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич). Цена 70 коп.

№ 44. **НИКОЛАЙ ТЯПУГИН. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе.** Цена 75 коп.

№ 47. **А. П. НЕЧАЕВ. Табак и его вредное влияние на умственную деятельность взрослых и детей.** Цена 20 коп.

№ 49. **А. С. ШОЛОМОВИЧ. Кокаин и его жертвы.** Науч.-поп. очерк. Ц. 20 к.

№ 51. **САВВАТИМСКАЯ. Скарлатина и борьба с нею.** Под редакцией и с примечаниями проф. А. А. Киселя. Цена 25 коп.

Биологическая библиотека.

Книга 1-я. **М. В. ВОЛОЦКОЙ. Поднятие жизненных сил расы.** (Новый путь). 2-е исправленное и дополненное издание. Цена 85 коп.

Книга 2-я. Д-р **Я. Б. ЛЕЗИНСОН. Бактериологический метод истребления вредных грызунов.** (Санитарный очерк). Цена 40 к.

Книга 3-я. **Антропометрические измерения детей.** (Унификация методики массовых исследован. детей и подростков). Сборн. под ред. проф. А. С. Дурново. Цена 90 коп.

Книга 4-я. **М. В. ВОЛОЦКОЙ. Классовые интересы и современная евгеника.** Цена 20 к.

Кооперативное Издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“
Москва, Лубянский пассаж, пом. 39. Тел. 5-04-51.

Библиотека документов, записок и воспоминаний.

Книга 1-я. **День воспоминаний о жизни и работе Веры Михайловны Бонч-Бруевич (Величкиной).**

Книга 2-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. На славном посту. Памяти В. В. Воровского.** (По личным воспоминаниям). 2-е дополненное издание. Цена 20 к.

Книга 3-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 года.** (По личным воспоминаниям). Издание 3-е. Цена 15 к.

Книга 4-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии.** (По личным воспоминаниям). Цена 40 коп.

Книга 5-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. В. И. Ленин в России после февральской революции до третьеиюльского выступления рабочих и солдат в Петрограде.** Цена 80 коп.

Книга 6-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Смерть и похороны Владимира Ильича.** (По личным воспоминаниям). Цена 20 коп.

Книга 7-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Тайная поездка в Россию в дни 9 января 1905 года.** Цена 1 р. 50 коп.

Книга 8-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Первое мая в России и за границей.** (По личным воспоминаниям). Цена 30 коп.

Книга 9-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Тайное печатание книг и прокламаций в царской России.** (По личным воспоминаниям). Цена 20 коп.

Книга 10-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Нападение бандитов на В. И. Ленина.** Цена 15 коп.

Книга 11-я. **ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Переезд Советского Правительства из Петрограда в Москву в 1918 г.** Цена 15 коп.

Книга 20-я. **ОРЛОВ. Годы реакции.** Цена 2 р. 25 коп.

Книга 21-я. **М. ГОЛОДЕЦ. Из истории революционного движения в Егорьевске.** Цена 75 коп.

Книга 22-я. **О пяти повешенных.** Пестель.—Муравьев-Апостол.—Бестужев-Рюмин.—Рылеев.—Каховский. Редакция и предисловие С. Я. Штрайха. Цена 1 р. 20 коп.

Книга 23-я. **В. ВОРОБЬЕВ.** Два лейтенанта. Революционер Шмит и его палач Ставраки (к 20-летию восстания Черноморского флота). Цена 70 коп.

Художественная библиотека.

Книга 1-я. **А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Морские рассказы.** Цена 1 руб.

Книга 2-я. **А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Две души.** Цена 1 руб.

Книга 3-я. **ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Язычники.** Повесть. Цена 50 коп.

Книга 4-я. **ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Тени.** Цена 1 руб.

Книга 5-я. **НИКОЛАЙ ЛЕВЧЕНКО. Таежное.** Сибирские рассказы. Ц. 1 р.

Книга 9-я. **К. ГАНДУРИН. Яков Певцов.** Драма в 5-ти действ. Ц. 20 к.

Книга 11-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. А все-таки!** Со 105 рис. и обложкой худ. Ф. Кригера. Цена 1 руб.

Книга 12-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. В огненном кольце.** С рисунками худ. И. И. Смукровича. Цена 65 коп.

Книга 13-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Мошна туга, всяк ей слуга.** Басни с иллюстр. художника К. Н. Фридберга. Цена 60 коп,

Книга 14-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Правда и кривда.** Басни с иллюстрациями художника К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 15-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Всякому свое.** Басни с иллюстрациями К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 16-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Сытый голодного не разумеет.** Басни с иллюстр. худ. К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 17-я. **МИХ. АРТАМОНОВ. Дети улицы.** (Очерки московской жизни). Цена 30 коп.

Книга 18-я. **ЗИНАИДА РИХТЕР. Кавказ наших дней.** Цена 60 коп.

Р. Цена 75 коп.

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008292484